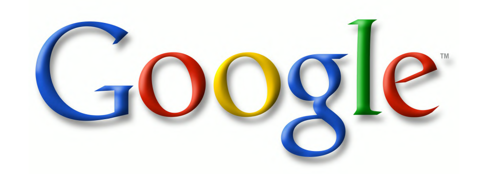

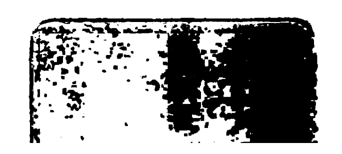

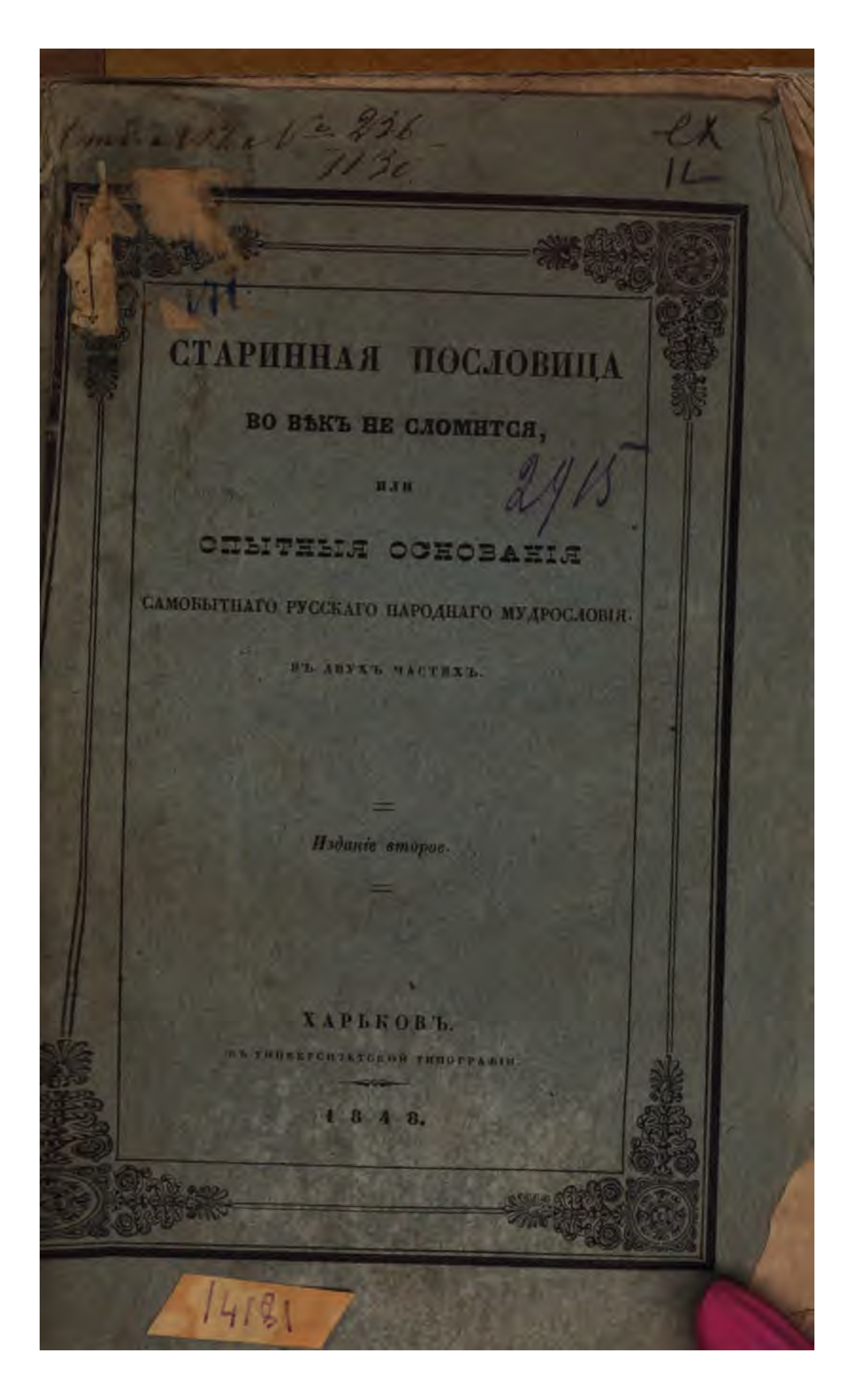

СТАРИННАЯ ПОСЛОВИЦА

ВО ВѢКЪ НЕ СЛОМИТСЯ,

или

ОПЫТНЫЯ ОСНОВАНІЯ

САМОБЫТНАГО РУССКАГО НАРОДНАГО МУДРОСЛОВІЯ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе второе.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

Старинная пословица

во вѣкъ не сломится,

или

Опытныя основанія

самобытнаго русскаго народнаго мудрословія.

СТАРИННАЯ ПОСЛОВИЦА

ВО ВѢКЪ НЕ СЛОМИТСЯ,

или

ОПЫТНЫЯ ОСНОВАНІЯ

САМОБЫТНАГО РУССКАГО НАРОДНАГО МУДРОСЛОВІЯ.

Сихъ бо послу́шавъ му́дрый, прему́дрѣе бу́детъ, а разу́мный строительство стяжетъ: уразумѣетъ же притчу и темное сло́во, реченія же прему́дрыхъ и гаданія.

Кн. Притч. Соломонъ Гл. I, ст. 5—6.

Сост. Семен Кованько.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1848.

Печатать позволяется: съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса. Февраля 19 дня 1848 года.

Ценсоръ В. Пахманъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГРАФУ,

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ,

УВАРОВУ,

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

и разныхъ Орденовъ Кавалеру,

Члену Государственнаго Совѣта, Сенатору, Президенту Императорской Академіи Наукъ, Предсѣдателю Комитета Устройства Учебныхъ Заведеній и Главнаго Управленія Цензуры, Члену Совѣта о Военно-учебныхъ Заведеніяхъ, Главнаго Совѣта Женскихъ Учебныхъ Заведеній, Совѣта, учрежденнаго при Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ и Санктпетербургскаго Училища Ордена Св. Екатерины, Почетному Члену Императорскихъ Академій Наукъ и Художествъ, Императорскихъ Университетовъ: Московскаго, Дерптскаго, Казанскаго, Св. Владиміра и разныхъ другихъ Ученыхъ Обществъ въ Россіи, Члену Французскаго Института, Археологическаго Института въ Римѣ, Мадритской Академіи Исторіи, Мюнхенской Академіи Наукъ, Геттингенскаго, Копенгагенскаго и другихъ иностранныхъ Ученыхъ Обществъ.

Сіятельнѣйшій Графъ!

Вашему Сіятельству угодно было не только замѣтить мое непритязательное сочиненіе, или скорѣе — собраніе, при первомъ его выходѣ, но и осчастливить меня представленіемъ несовершеннаго труда моего Высочайшему *вниманію* ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. *Въ торжествѣ моемъ недоставало только, на изданіи, имени моего Высокаго Покровителя и Предстателя. Пользуясь лестнымъ для меня позволеніемъ, украшаю новое изданіе моихъ* Опытныхъ Основаній Народнаго Мудрословія *посвященіемъ Вашему Сіятельству — съ глубочайшимъ Высокопочитаніемъ, безпредѣльнымъ душевнымъ уваженіемъ, неизгладимою и невыразимою признательностью, имѣя честь быть,*

Вашего Сіятельства,

Всепокорнѣйшій слуга

Семенъ Кованько.

3 Февраля 1848 года.
Харьковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Старинная пословица во вѣкъ не сломится, или опытныя основанія самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія, есть собраніе Русскихъ пословицъ, поговорокъ, присловій, изреченій, прибаутокъ, пріёмовъ ума, самыхъ мотивовъ мысли и балагурства, расположенное въ видѣ полнаго изложенія одной великой мысли Духа Народнаго, такъ что представляетъ подлинникъ Самобытной Философіи Русскаго Народа.—Часть I, *Быль не быль, сказка не сказка, а сущая правда, или замѣтка на память дѣткамъ о самобытномъ развитіи Русскаго Духа*, представляетъ исторію этаго развитія вмѣстѣ съ ходомъ

государственныхъ произшествій. Часть II, *Нанизанныя жемчужины, или Золотой Самородокъ Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія*, представляетъ самую Науку Философіи Русскаго Народа.

Во всемъ изложеніи нѣтъ ничего искуственнаго, кромѣ олицетворенія, въ первой части, Духа націи, Россіи, Закона и нарицательнаго имени Царя, — всё прочее, въ обѣихъ частяхъ, содержаніе и выраженіе, отъ перваго до послѣдняго слова, взято непосредственно изъ оригинальнаго Русскаго толка — даннаго всему смышлёнымъ народомъ. Это совершенно особенный родъ Словесности, — сочиненіе не частнаго человѣка, а цѣлой Націи, на языкѣ пословичномъ, — это не проза, и не стихи; но, если угодно, это сборникъ для ученаго, поэзія для народа, — исторія Русскаго Духа, — Наука нравственности и здраваго смысла, шутка въ Литературѣ; все это весьма далёко отъ совершенства по выполненію, и не болѣе, какъ попытка: но *попытка не пытка, спросъ не бѣда.*

Писано въ 1842. Издано въ 1-й разъ 1847.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЫЛЬ НЕ БЫЛЬ,

СКАЗКА НЕ СКАЗКА,

А СУЩАЯ ПРАВДА,

или

ЗАМѢТКИ НА ПАМЯТЬ ДѢТКАМЪ,

о самобытномъ развитіи Русскаго Духа.

Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ: и сокровиществуетъ исправляющимъ спасеніе, защищаетъ же шествіе ихъ, еже сохранити пути оправданій, и путь благоговѣнствующихъ его сохранитъ.

Кн. Притч. Солом. Гл. II. ст. 6—8.

Вотъ Вамъ, дѣтки, мои замѣтки. Кашу кушайте, сказку слушайте, и къ присказкѣ прислушивайтесь, да на уши мотайте, умомъ-разумомъ смѣкайте: умной, что староста губной,* — всякъ его боится.

* *Староста губной думы былъ въ старину* тоже, что *Председатель Уголовной Палаты.*

БЫЛЬ НЕ БЫЛЬ,

СКАЗКА НЕ СКАЗКА,

А СУЩАЯ ПРАВДА,

или

ЗАМѢТКИ НА ПАМЯТЬ ДѢТКАМЪ,

о самобытномъ развитіи Русскаго Духа.

> Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познаніе и разумъ: и сокровиществуетъ исправляющимъ спасеніе, защищаетъ же шествіе ихъ, еже сохранити пути оправданій, и путь благоговѣйствующихъ его сохранитъ.
>
> *Кн. Притч. Солом. Гл. II. ст.* 6—8.

Вотъ Вамъ, дѣтки, мои замѣтки. Кашу кушайте, сказку слушайте, и къ присказкѣ прислушивайтесь, да на уши мотайте, умомъ-разумомъ смѣкайте: умной, что староста губной,* — всякъ его боится.

* *Староста губной думы былъ въ старину* тоже, что *Предсѣдатель Уголовной Палаты.*

томъ о семъ, обо всемъ; и заўмствовали, и замўдрствовали, не безъ того, что и замудрíли. Кто сказки бáялъ; кто присказки краснобáялъ; кто пѣсенки запѣвалъ; кто бытописаніе писалъ; кто войска сводилъ да разводилъ; кто море мѣрилъ; а кто русскія богатства и силы глазомѣрилъ, да самъ себѣ невѣрилъ. Были и такіе лихіе, что мѣрили насъ на аршины чужіе. А все кружилось около одного общаго спрóса: къ чему де мы, то есть, Русскіе Славя́ничи, призваны, и покакóвски должны мыслить, жить и чувствовать — по грéчески, ри́мски, францўзски, нѣмéцки, или прóсто зáпросто — посвойски? — А какъ я на все смотрѣлъ, да ничего не разсмотрѣлъ; все слышалъ; а ничего неразслышалъ; всему внималъ и ничего не понималъ; и какъ я тамъ же былъ, мёдъ — вино пилъ, что по усамъ текло, по бородѣ стекало, а въ ротъ не попало, когда меня порядочно хмѣлемъ разобрáло; то мнѣ и причудилось нижеслѣдующее:..... ни дать ни взять, ни отсюда, ни оттуда, гдѣ взялся, — стоитъ передомною, какъ листъ передъ травою, распреудалый дѣтина — человѣкъ не человѣкъ — что-то не земное, — духъ не духъ — глазами видѣнъ, въ красной рубашкѣ и въ синемъ кафтанѣ на распашку!.... Волосы у него русые, по концамъ кудрявые, глаза черные — смоль смолью; борóдка - Нижегородка, усъ - Астраханецъ. Онъ головой легохонько тряхнулъ; глазами повелъ — какъ молніей сверкнулъ, крестнымъ знаменіемъ осѣнился, у Царя благословился и на всѣ стороны чиво поклонился. — «Богъ пóмочь, люди добрые, хлѣбъ да соль!» —

«Спасибо, Милостивецъ, добро̀ пожаловать!.. откушать съ нами изволь..... да какъ тебя величать—то, родимой!»—Онъ приосанился, подбочёнился, сюда туда оглянулся, всѣмъ ласково, привѣтливо улыбнулся, и молвилъ:—Ни́конецъ * —съ того свѣта выходецъ!»—Такъ и полегли всѣ со̀ смѣху.—«Такъ на землѣ ты ужь нажился?»—«Нѣтъ! Я еще и неродился!»—Кругомъ смѣхъ, хохотъ.—«Да какъ же ты пришелъ совсѣмъ большимъ?»—«Не захотѣлось быть меньшимъ!»—Смѣхомъ, хохотомъ мы залилися, всѣ за бока̀ побралися.—«Гдѣжъ намъ тебя посадить? чѣмъ угостить? какой почетъ отдать! какъ звать... по батюшкѣ... и прозывать?»—«Э, люди добрые, по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ, по шерсти кличку даютъ, а по волѣ принимаютъ. Вы встрѣтили меня не съ лестью, а съ честью, Господь Васъ помилуй! принимайте попросту: мнѣ чванство не подъ силу Родителямъ первой почётъ! не забывать ни своихъ ни чужихъ, и до меня дойдётъ! а тамъ, Богъ дастъ, и проведёте меня, аль подъ ручки, аль по затылку!»—И никто не вѣстъ, гдѣ онъ изволилъ сѣсть..... чай съ хозяевами; а каждому мнилось, что съ нимъ сидѣть приходилось, что—я де видѣлъ его очь въ очь, что разсмотрѣлъ его точь въ точь, что говорилъ съ нимъ изъ устъ въ уста, что рѣчь его очень проста, а замысловата,—и всякъ полюбилъ его, какъ брата. А онъ, что взглянетъ, то

---

* *Ни́конецъ*, какъ бы подражаніе имени «*Ни́конъ*», происходитъ, однакожъ, отъ Русскаго слова *ні́кнуть*, и значитъ *возника́ющій*.

червонца подáритъ; что глазкомъ броситъ, то любви проситъ; а голосомъ поведетъ, что соловей запоетъ; что слово, то присловіе и пословица,—что рѣчь, то поговорка, изреченіе,—что разсказъ, то прискáзъ,— что уста откроетъ, то шуточка-прибауточка. Говоритъ же онъ разглагольствуетъ—до русской души добирается, до сердца славянскаго дощупывается—вѣетъ русскимъ въ нихъ полнословіемъ. Ахъ, не мнѣ, не мнѣ косноязычному отголоскомъ быть его рѣчи къ намъ! Отголосокъ ей—Русь просторная, у Царя, у Закона, у Матушки кормилицы Россіи свѣтъ Государевны Православной по мужу, урожденной Хлѣбосольной, и въ русскихъ душахъ—и въ моей тудажъ, но не въ рóсказняхъ! Кануло зёрнышкомъ слово его въ сердце мое, словно-ключъ ко дну, на уста лишь половка взвѣвается! Но не плачьтеже, не кручиньтеся, дѣтки милыя! не разлученъ онъ съ нами теперь. Съ моего лепетанья смѣкнете вы, какъ онъ баетъ, какъ онъ гуторитъ, и вслушаетесь сами въ него, когда и васъ онъ словомъ удостóитъ, и мёдомъ устъ своихъ напóитъ. Вамъ онъ скажетъ больше, чѣмъ намъ.

3.

Вы хотите узнать (онъ сказалъ намъ), люди добрые! кто я? и что я? какой мнѣ почётъ подобаетъ отдать? такъ извольте, быть такъ! не скажу я вамъ ни того, ни другаго, и ничего новаго; а скажу я вамъ сказку старую изношенную, ни то про себя, ни то про васъ,

да присказку на придачу: народъ вы смышлёный,— сами догадаетесь.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; вотъ и я сказку короткую скажу, а вѣковъ съ двѣнадцать разбужу... много воды утекло ужь въ рѣкахъ, испарилось въ моряхъ... не припомню навѣрно, когда... не пушилась еще у меня борода... были моложе старикъ со старухою, Міръ со Вселенною: вотъ имъ дочку Господь даровалъ на прибавокъ семейки, а меня отрядилъ, снарядилъ, наставленьемъ снабдилъ, съ благословеньемъ отпустилъ— воспринять новорожденную на свои руки, на свое попеченье. Принялъ я дитятко—царственной прелести, матушку вашу кормилицу, названную дочку мою. Дали сей часъ ей молитву; самъ Апостолъ Христовъ, Андрей Первозванный молитвословилъ и благословилъ младенцу, водружая крестъ на берегу Днѣпра, гдѣ нынѣ Кіевъ, и глаголя: *на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и будетъ градъ великъ, и воздвигнетъ Господь Богъ множество церквей*. Крещенье отложили до велѣнія Божія.—Надо ее изберечь, возрастить, въ вѣру Христову обратить, довести до ума, до разума, навести на дорогу правды и счастья, выдать замужъ, приданымъ снабдить. Вотъ, какъ видите, доведь моя не ударила личикомъ краснымъ въ грязь чернобурую. Принялъ, сказалъ я, и назвалъ Россіею— свѣтъ Государевной, прозвалъ ее Хлѣбосольною. Умирающій староста Гостомыслъ навёлъ Новгородъ на смыслъ призвать Рюрика на царство—основать Государство. Что жъ? моя милая все ростётъ, да ростётъ,

какъ изъ воды идётъ, не по днямъ, по часамъ, по мгновеніямъ. Я взлелѣялъ ее подъ шеломами; повивалъ ее подъ трубами бранными; а концемъ копья воскормилъ ее; приучалъ ее лукъ натягивать, и мечи острить; выпускалъ ее прогуливаться на пути ратные, на яруги засадные, и на лодкахъ провѣиваться по своимъ рѣкамъ, по чужимъ морямъ, да на торжища союзныя. Мушкѣ не дамъ на ней сѣсть и пылинкѣ прилечь; не пускаю баклушничать съ братьями, празнословить съ сестрáми.—«Всѣмъ сестрáмъ по серьгáмъ, а тебѣ и златъ перстень въ придачу: только сидй себѣ дома, да точй веретёна. Подожди, подростешь.—ты зарею взойдешь, нетуманной, необлачной, красной, невѣстой прекрасной.»—Слыша, какъ братья и сёстры толкуютъ не дѣльно о многомъ, и все безъ пути суетятся, лучшую часть я избралъ для нея... и давай убаюкивать:—«спи, мое дитятко, сномъ богатырскимъ; кто спитъ, тотъ не грѣшитъ, а ты спишь не съ перепою.»—Проснётся ль? я сказки начну говорить: про Бѣлъ-бога, про первенца въ твореніи его и отступника Чернобога; про Перуна-громовержца, Дажбога благотворителя, про любовь—про Леля, про бракъ—про Полеля, про супружество—про Дида и Ладо, про Услада, Родомысла, Радегоста; про Мерцану-зарю; про Погоду, и Сѣву, и Волоса; про Позвиста, Зимерзлу, и Зиву, и прочихъ; про многихъ уродцевъ, какъ-то, водовиковъ, русалокъ, кикиморъ, вѣдьмъ, домовыхъ, лѣшихъ, дитокъ, про бабу-ягу, кудесниковъ и ворожеевъ. Сказку скажу, и присказку привяжу. А и сказки тѣ не заемныя, не восточныя и не западныя,

просто запросто доморощёныя, русскимъ складомъ подслащеныя; не простыя же онѣ празнословія, а все óблики свойствъ и дѣйствій природы, обязанностей человѣка и его опасеній на пути къ спасенію. Призадумается ль моя милая? а я шуточку сшучу̀, прибау̀точку прибау̀чу; да по смыслу тѣхъ сказокъ ей куклы снаряжу, разряжу, и разставлю ихъ по садамъ, по горамъ и по рощицамъ — то пугáлища, то игралища, что зовёте вы истуканами, да болванами, да кумирами. Но что̀ тому богу молиться, который не милуетъ! Я давалъ ей толкъ во всемъ, пріучалъ ее къ смышлёности; какъ на свѣтѣ жить поживать разсказывалъ, въ словахъ краткихъ не затѣйливыхъ, вразумительныхъ, сердцу русскому умилительныхъ, что зовутъ у насъ пословицами. — «Вѣдь въ большóмъ мѣстѣ сидѣть, много ума имѣть (надобно). Какъ же добыть ума разума? вотъ какъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись: хорошо умъ, а два лучше; сто головъ, сто умовъ; но слушай людей, а свой толкъ имѣй. Свой умъ Царь въ головѣ; а въ иномъ — то ума много, да разума нѣтъ, борода съ ворóта, а ума съ прикалитокъ; у инаго умъ за разумъ зашелъ. Умъ безъ разума бѣда; умъ разумомъ крѣпокъ; умъ разуму подспорье. Иногда умъ доводитъ до безумья, а разумъ до разумья завсегда. Вездѣ потребно разумомъ раскинуть, разсудить. Случается горе отъ ума, а отъ разума не бываетъ. Чего не видишь, о томъ и не бредишь. Часто хорошо говорятъ, да нечего слушать: вотъ яма, стой прямо! а какъ безъ ума торговать, лишь деньги терять, а опасéнье половина спасенія; то семь

разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь, —бережёнаго и Богъ бережётъ!» — Такъ я развивалъ въ ней умъ самобытный. А что бы дать ей мудрость змѣину, незлобивость голубину, я старался сдѣлать умъ ея не просто мудрымъ, а богомудрымъ, и умудрялъ ее вотъ какъ: —«да будетъ русской умъ вѣра! Дума за горами, а смерть за плечами, такъ безъ Бога ни до порога! Богу молиться всегда пригодится! Да еслибъ не Богъ, кто бы намъ помогъ? Никто таковъ, какъ не Богъ: ибо одинъ Богъ видитъ, кто кого обидитъ; за сиротóю Богъ съ калитóю; голенькой охъ, за голенькимъ Богъ, а Богъ не убогъ, богатъ Богъ милостію. Кто хорошо живётъ, тому Богъ подаётъ. Гдѣ любовь, тутъ и Богъ, тамъ тишь, да гладь, да Божья благодать!»—Такъ приготовлялъ я сердце ея къ принятію вѣры, умъ къ православію. Далѣе такъ я бесѣдовалъ съ нею: — «Богъ пристанетъ и пастырей достанетъ. Сиди у моря и жди погоды. Обратимся жъ къ Богу, и попросимъ Царя! Вѣдь, все равно, суженаго конёмъ не объѣдешь; такъ лучше принять его волею, чѣмъ неволею, а русская воля — совѣсть! Гдѣжъ добыть намъ Царя-пастыря и суженаго, не заботься: когда Богъ дасть, то и въ окно подасть; ибо не только свѣта, что въ окнѣ,— за окномъ больше; но просить Бога о томъ надобно, потому что пока дитя не плачетъ, то и мать не слышитъ. За кого Богъ, за того и люди. Гдѣ добры нравы, тамъ хранятся и уставы; гдѣ твердъ законъ, тамъ всякъ умёнъ; гдѣ есть Царь, тамъ безопасенъ и овчарь; да и овцы безъ пастуха не стадо: и такъ, на небо русское воззри,

поищемъ Бога, Закона, да Царя! Каково аукнется, таково и откликнется: аукнемся жь, когда приспѣетъ время, Богу вѣрою, Закону и Царю любовью и покорностью! Что посѣешь, то и пожнешь: посѣй, мое дитятко, посѣй, мое милое, въ твоемъ сердцѣ не злобномъ вѣру въ Бога, любовь къ Закону, надежду на Царя!—Аукнувшись, прислушивайся, какъ и откуда кто откликнется; посѣявши, присматривайся, какъ что взойдётъ, подростётъ, и распустится. Я придакну тебѣ на голосъ истины, неперенятый, некудесничій; я перстомъ укажу на цвѣты и плоды прозябленія неподдѣльнаго и не плевельнаго. Богъ прославитъ тебя вѣрой правою; самъ Царь будетъ держать тебя въ объятіяхъ, помогать тебѣ въ предпріятіяхъ; а Законъ сохранитъ твои вотчины, сбережетъ тебя не наглядную отъ прозбру и уроку и очей лукавыхъ, дастъ дѣтей тебѣ многочисленныхъ.»—Такъ посѣвалъ я въ ней сѣмя самодержавія. Потомъ продолжалъ:—«Но помни, что—тише ѣдешь, дальше будешь. Не спѣши за другими, не бѣгай взапуски, непускайся навыпередки! Вѣдь, что городъ, то норовъ,—что село, то обычай; всякъ молодецъ на свой образецъ, а гдѣ кто родился, тамъ и пригодился; вишь, затвердила сорока Якова одно про всякаго; такъ нѣтъ, всякъ Еремей про себя разумѣй; недаромъ говорятъ: Ерёма, Ерёма, сидѣлъ бы ты дома, да точилъ верстёна. Тебѣ жь я скажу: сиди на слуху, провожай каждаго вназёрку, и ктобъ про что не калякалъ, не гуторилъ, не баялъ, кто бы куда не попхался, и на что не наткнулся, а ты—себѣ на умѣ: пусть зѣвота

на Өедо́та, а съ Өедота на Якова, а съ Якова на всякова,—держи ушки на макушкѣ, да и точай по-своему! Шей-одна, хоть всѣ пусть порютъ! Гдѣ тонко тамъ и рвется; такъ ты на чужія тонкости не сдавайся. Всякой куликъ свое болото хвалитъ. Славны бубны за горами, а придутъ—какъ локушки, и лучше синица въ рукахъ, чѣмъ соко́лъ въ облакахъ. Старый другъ лучше новыхъ двухъ, и свой своему по неволѣ другъ. Въ чужіе толки не вдавайся: ибо красно̀ по́ле ро́жью, а рѣчь красна̀ ложью, а на чужой ротъ не на дѣлаешься воротъ. Не спросясь броду, не лѣзь въ воду; а гдѣ некого спросить, тамъ сердце—вѣщу́нъ, и душа—мѣра. Избѣгай въ чужомъ пиру̀ похмѣлья. Не засиживайся на вечерницахъ, гдѣ толкуютъ о небылицахъ: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Пусть голова у ногъ ума не проситъ. Что на сердцѣ, то и на языкѣ; а кто солжетъ, тому да будетъ стыдно; но не выноси изъ избы сору: кто переноситъ вѣсти, тому не дѣлаетъ то чести. Каково дерево, таковъ и плодъ: каковы чувства, таковы и дѣла, а русское чувство-хлѣбосольство. Красна̀ изба не углами, а пирогами; чѣмъ богаты, тѣмъ и ради; что есть въ печи, на столъ мечи,—масломъ каши не испортишь. Все то полезно, что въ ротъ полѣзло. Ѣшь вполсыта̀, пей вполпьяна̀, проживешь вѣкъ до полна̀. Живи просто, проживешь лѣтъ со сто. Никто съ поста̀ не умиралъ: доброму сухарь на пользу, а злому и мясное не въ прокъ. Для милаго дружка и серёжка изъ ушка. На добро—послѣдняя копѣйка ребромъ, и для веселья—каждое слово завиткомъ; а коли твое добро не въ ладъ, такъ

ты съ нимъ и назадъ. Но тому тяжело, кто помнитъ зло. —Есть у тебя и рыба въ водахъ, и звѣри пушные въ лѣсахъ, и золото въ горахъ, и серебо, и въ сердцѣ русское добро и *русская правда:* такъ ты дѣвицей беззащитной не оставайся; но и сладкими рѣчами не плѣняйся: иной мягко стелетъ, да жёстоко спать. А когда Богъ пошлетъ тебѣ жениха разъудалаго, что словами не морочитъ, и дѣлами не порочитъ, да я придакну? то вы съ Божьимъ благословеніемъ, добрымъ пиркомъ, да и за свадебку! Обычай не клѣтка, не перестáвишь, что взято, то свято. Вотъ тебѣ кокýй *, съ нимъ и ликуй.» — Такъ развивалъ я въ ней самобытность, особенность, народность.

4.

«Ранняя пташка носбкъ прочищаетъ, а поздняя глазки продираетъ; твои глаза чисты: воззри на свѣтъ истины; время исполнить уста славословіемъ Бога — создателя всѣхъ; возьмись-ка порáньше за разумъ небесный—за вѣру святую Христову. Смѣкни толкомъ простымъ, вѣщимъ сердцемъ скажи, да совѣстью — русскою правдой сознай, чье словословіе достойнѣе Бога: аль Еврея скитальца, изгнанника, что ни попа, ни царя, ни земли, ни закона давнымъ давно нѣтъ какъ нѣтъ? аль Масульмана, что чары вина не смѣетъ наглазно испить, а на молитвѣ такъ скученъ? аль

* Кокошникъ -- головной уборъ замужней женщины.

Нѣмца, что папы, попа больше чѣмъ Бога боится, отъ грѣховъ откупается? аль Грека, что въ храмѣ, какъ въ небѣ лики внимаетъ, благоуханье обоняетъ, вѣру первобытную въ чистотѣ сохраняетъ, и только что Бога не видитъ, а слышитъ глаголы его и присутствіе чувствуетъ духомъ.» — «Вѣстимо, — сказала она, — что полынь послѣ сота въ уста не полѣзетъ и будетъ ужь горче самой себя: узнавши о греческой вѣрѣ, и слушать не стану о прочихъ.» — «Ой, гой еси, ты, Россія моя, велелѣпая, заалѣешь ты, какъ маковъ цвѣтъ, развернешься, какъ лилія, — вознесешься, какъ куполъ небесный! не даромъ солнце надъ тобою горитъ; недаромъ земля подъ тобою стоитъ!» — «Полно въ куклы играть, пора и за дѣло приняться, кормилецъ!» — Она отвѣчала мнѣ твердо. Богъ правому начатію поборникъ. Что задумано, то и сдѣлано. Мудрая Ольга, да Владиміръ святый, сами крестились, благодатію Христовою умылись, да и намъ пригодились: въ кумовья ко мнѣ назвалися и окрестили мою свѣтъ Государевну, увѣнчали ее свѣтомъ истины, какъ невѣсту Христову; солнце свѣтитъ въ небеси, Князь Владиміръ—на Руси. — Такъ взошло, расцвѣло православіе! Въ доброй часъ, и съ доброй руки! Все пошло, какъ по маслу покатилось. На ловца и звѣрь бѣжитъ. Глядимъ, жениха намъ Господь посылаетъ—Закона Самодержавича Православнаго. Засватанная жь невѣста всѣмъ хороша! — Чванство не умъ, а недоумье; такъ мы не почванились; жениху не отказали, а пальчики себѣ облизали. Замѣтивъ *русскую правду* въ сердцѣ его, съиграли

свадебку — пиръ горой. — Такъ зародилось въ Россіи самодержавіе! Я, хоть совѣстно говорить, да грѣхъ утаить, на радостяхъ порядкомъ хватилъ мёду крѣпкаго, искромётнаго и вина, веселящаго сердце: гора свалилась у меня съ плечь, а я свалился съ ногъ. Съ трудовъ, упоённый радостью и хмѣлемъ, какъ всхропнулъ, какъ уснулъ богатырскимъ я сномъ непробуднымъ, такъ проспалъ съ полтретья вѣка! только сердце билось, да чуяло, что на Руси творилось, а я сквозь сонъ говорилъ—сквозь зубы слова цѣдилъ, распоряднячилъ по привычкѣ. Но, какъ къ сонному попу міряне не ходятъ на исповѣдь (развѣ тожь во снѣ кому вздумается), такъ словъ моихъ не понимали, хоть за сонъ вѣщій ихъ принимали, и вполовину выполняли. Не зналъ я настояще не вѣдалъ, какъ кто обѣдалъ, какъ дѣтушки новобрачныхъ, поразмножившись (молодо—зелено!) разшумѣлись, разсорились за удѣлы, и давай силу, молодечество да удаль показывать — кто кого поборетъ да одолѣетъ, тотъ того и добромъ завладѣетъ! — Не шуми за пѣчью, сверчокъ! сказалъ Игорь Изяславу Мстиславичу; а его разбивъ, сверчокъ Тмутараканъ побѣдилъ. Галичине въ кучу, Костромичи въ кучу, Ярославцы—прочь; любимые ловцы Даниловцы — невыдавцы, схорони концы, да Романовцы. Рязанцы мѣшкомъ солнышко ловили, блинами островъ конопатили. Псковичи небо хотѣли кольями подпереть. А тамъ Шемяка судъ намякалъ, и бросалъ Устюжанъ съ камнемъ въ воду. Одна бѣда другую накликаетъ. Татаринъ подмѣтилъ, что на Руси и мёдъ пѣнится, и

молоко кипитъ, и мѣха серебрятся, и золото съ серебромъ перевѣшиваются, а безъ хозяина и товаръ плачетъ — порядку дать некому, — подумалъ, да и ну въ въ мутной водѣ рыбу ловить, — я де буду хозяиномъ, и всему дамъ порядокъ! — взялъ (провалъ его возьми!), да и обложилъ Русь данью, а князей помыкалъ, какъ холбпей, проводилъ между двухъ огней. А каковъ Ханъ, такова и Орда: не Татаринъ выскочилъ, не голову снялъ. Ворожила баба съ мѣченьемъ *, что Татарамъ быть сѣченымъ, а Татары живутъ, да бабъ берутъ. Нѣтъ конца Татарскому мясоѣду. Но, что Богъ ни строитъ, всё къ лучшему! ибо, громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится! Бѣда учитъ Богу молиться! Татаринъ такъ плотно громыхнулся на Русь, что земля дрогнула и застонала и отъ боли и отъ жалости! Давай наши — Богу молиться, да въ колокола тревогу бить! Не раскачать бы меня и Татарину, какъ бы не вздрогъ и стонъ земли кормилицы да плачъ колоколовъ не разбудили! Принялись мы дружненько за Татарина. Бывало, гдѣ силой не возмешь, тамъ хитростью проведёшь. Къ тому жъ мы разъ навсегда отпѣли: изволь съ нами, какъ можешь, управляться, а до святыни чуръ не прикасаться? и чтожъ? во имя Христа смирили врага. Стало правду на Украйнѣ говорятъ: не тотъ казакъ, кто поборетъ, а тотъ, кто вывернется. Всё къ лучшему. Правы пути Господни. — «Великъ Богъ Христіанскій?» — сказалъ Татаринъ. — Умерла та

* Дѣлая о томъ и *замѣтки*, на память, въ доказательство вѣрности.

курица, которая носила Татарамъ золотыя яица,—и Россія прославила Бога уже самыми дѣлáми, на опытѣ показала свое православіе, познала важность самодержавія, сохранила народность.

5.

Вмѣстѣ трудились? вмѣстѣ жъ и отдыхать, вмѣстѣ пиръ пировать! Отдохнули мы съ Православными, хоть не нáдолго. Сразу выкупили мы землю Русскую у Татарина, да не сразу разсчеты покончили, а тутъ недóброе поднесло Литвý да Поля́ковъ. Дѣло загорѣлось и съ тѣми, и съ другими, не потýхло и прежнее. Но русская кость тепло любитъ, (по пословицѣ, паръ костей не лóмитъ), а русское тѣло—отдыхъ, разумѣется, когда дѣло горитъ не жарко: такъ я опять вздремнулъ, понагрѣвшись борьбой да молитвою, да сказáвъ на всѣ стороны: — «смотритежъ, не тронь нашего!» — Не тутъ то было! затронули! а наши тянутъ, да не дружно — кто въ лѣсъ, кто по дровà. Соснýлъ я маленечко и проснулся. . . . смотрю: кипитъ каша, суетится хозяюшка наша, хозяинъ дрова подкладываетъ, а дѣтки подмѣшиваютъ, такъ вѣтеръ-то пламень разноситъ. — «Здорóво, православные, Богъ пóмочь!» — «Здорово кормилецъ, принеси тебя Богъ на подмогу!» — »По стойте же! хорошо, когда рукъ много, а лучше, когда одна голова заправляетъ, да у ногъ ума не

предводителя Струса, такъ что всѣ Поляки струсили и трусу праздновали: крѣпка рать воеводою. Пришли Казаки съ Дону, да и погнали Ляховъ съ дому. Самозванецъ попался, какъ куръ во щи. А Марина его?—танцуй, душа, безъ кунтуша, ищи панъ безъ жупана!—Остеръ мечь, да некого сѣчь: Шведъ воротился, откуда явился, Татаринъ въ Крыму, и Панъ въ Литвѣ.—Подавай, Богъ ноги; поминай какъ звали; ищи вѣтра въ полѣ.—И такъ мы пиръ кровавый отпировали, и Михаила Царемъ избрали—Богъ далъ Царя: ибо нельзя быть Русской землѣ ни на малое время безъ Государя. За спасеніе же Царя крестьянинъ Иванъ Сусанинъ — славенъ, какъ бояринъ. Я опять за свое: сидѣть на сторожѣ, да придрёмывать; а *уложенье* таки уложилъ, Малую Россію Великой возвратилъ, самодержавіе утвердилъ.

6.

Не солнце изъ за тучь просіяло: то Русской Царь богатырь православный, Петръ великій, Самодержавный глаза открылъ; не оно полміра озарило,—то Россія свѣту показала свое свѣтило. Не вѣтеръ могучій море колышетъ, — то Петръ богатырствомъ, удалью дышетъ. Не мѣсяцъ по небу гуляетъ, то нашъ Царь выступаетъ, ходитъ по царствамъ, чужое назираетъ, родное смѣкаетъ. — «Ну, сватъ, полно спать!» — онъ мнѣ сказалъ, исполинской рукой по плечу потрепалъ, и взялися мы дружно за дѣло:

у насъ море кораблями закипѣло, запѣнилось, земля духомъ могучаго загорѣлась, и сердце русское отогрѣлось. Всѣ стали говорить по свойски, читать по граждански, составлять весёлыя сходки. Увеличились наши доходы, безошибочны стали походы. Проигрался Шведъ подъ Полтавою; задали ему переволочку; а потомъ ему Питеръ бока вытеръ. — До Петра же, Царя великаго, люди русскіе устарѣли, одряхлѣли, сами себя не понимали, и съ другихъ примѣру не брали. Но всемощная рука царская всѣхъ у насъ помолодила, мущинамъ бороды побрила, женщинъ изъ затвору отпустила, дѣтей грамотѣ научила, всѣмъ свѣтъ — истину открыла. И, что есть у насъ хорошаго, сколько знаній, сколько промысловъ, учрежденій и замысловъ, — всё то начато Петромъ великимъ, всё то мною направлено по волѣ царской, по мановенію Божію. Во сто лѣтъ еще не исполнились, всѣ его предначинанія, не достигнуты указанія. Русской умъ любитъ просторъ, такъ съ Петромъ и я поумнѣлъ, побродивши по свѣту, посравнивши своихъ и чужихъ. Онъ поддержалъ православіе, утвердилъ самодержавіе; но во всёмъ онъ примѣръ и отчётъ подавалъ самъ безъ гордости, и явилъ себя первообразомъ народности. Но какъ молнія, онъ сверкнулъ и исчезъ, лишь катилися громы побѣдъ отъ востока на западъ, да горѣли сердца имъ зажженныя, — онъ же, какъ Божій посланникъ, указавши намъ и сотворивши самъ волю пославшаго, на небо воспарилъ.

7.

Я утрудился съ нимъ не мало; а слава Богу, силы стало! но смерть его меня сразила, — я призадумался уныло,... потомъ въ бездѣйствіи уснулъ. Во снѣ богатырскомъ я такъ тогда всхрапнулъ, что слышно было у сосѣдей! иной тò принималъ за рёвъ медвѣдей, иной за стонъ умирающаго, или въ морѣ погибающаго и на пòмощь призывающаго. Но всёму есть время и часъ: и я не разъ сквозь сонъ и въ просонкахъ говаривалъ, — слово русское промалвливалъ; не разъ, пробужденный ударами скиптра, я царскую волю творилъ, и вновь, по вольности дворянства, засыпáлъ мертвецки, храпѣлъ молодецки. При матушкѣ Екатеринѣ покоилъ я всѣхъ, какъ на перинѣ, и въ раздóльи, и въ привóльи; на морѣ, на сушѣ побѣждалъ, — пѣсни славы воспѣвалъ; съ Варсавою *исты* въ *изводахъ* пекалъ, какъ бѣлые блины въ маслѣ, на черной Сковородкѣ *; учредилъ

* Григорій Савичъ Сковорода называлъ себя Варсавою, мысли свои бѣлымъ блиномъ, спеченнымъ на черной сковородкѣ, понятіе (идею) — истою, обликъ (форму) — изводомъ. (см. Истор. Филос. Арх. Гавр.). *Иста* и *изводъ*, въ самомъ дѣлѣ, глубокомысленно, превосходно выражаютъ *идею* и *форму*, уже потому что суть слова не только Русскія, но и простонародныя, общепонятныя, хотя и вышедшія изъ употребленія; но они счастливѣе, удалѣе *идеи* и *формы*, *понятія* и *облика* тѣмъ, что выражая наличное (объективное) представленіе, выражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и личное (субъективное) наше въ немъ участіе.

приказъ общественнаго призрѣнія: наказалъ *наказъ* правильнаго сужденія; пытку отмѣнилъ; по всѣмъ городамъ училища открылъ. Батюшка Суворовъ не любя длить раздоровъ, говаривалъ, какъ чудо-удалецъ: пуля-дура, штыкъ-молодецъ. Но вдругъ Великанъ, и нескáзочный, истый, нагрянулъ къ намъ съ сильною рáтью; ступилъ исполинской ногой на русскую землю онъ такъ, что она всколебалась; взмахнулъ онъ мечемъ, и задѣлъ имъ меня, — да! задѣлъ онъ меня за живое! Вскочи́лъ я.... Царь Благословенный уже стоялъ вооруженный, и молвилъ чрезъ меня народу: — «не положу оружія, доколѣ хотя одинъ непріятель останется на землѣ русской!» — И пошелъ я бесѣдовать вмѣстѣ со всѣми и съ каждымъ отдѣльно; вооружалъ крестьянъ и владѣльцевъ, и стариковъ и младенцевъ! — Что ты, молодецъ, не веселъ? что головушку повѣсилъ? не вѣшай, козакъ, головы, — не печаль хозяина! перемелется мука будетъ. — На поле съѣзжаются, родствомъ несчитаются. Великій Воитель расточалъ угрозы, да обольщенія, а я воздвигалъ ополченія, воодушевлялъ Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ, и Пѣвецъ воспѣвалъ достойныхъ въ пѣснопѣніяхъ стройныхъ, и вѣрныхъ долгу ободрялъ. — *Я мыслилъ вслухъ на красномъ крыльцѣ въ Кремлёвскомъ дворцѣ* съ Графомъ Растопчинымъ передъ народомъ удалы́мъ. Но взятá ужъ Москва бѣлокаменная Великимъ Воителемъ, пришлецемъ Императоромъ.... и явился огонь, и въ стѣнахъ, и въ сердцахъ, грознымъ мстителемъ и карáтелемъ. Отъ искры Москва загорѣлась. Дохнула русская зима: и сковали наши морозы всѣ

замыслы и угрозы Непріятеля. Призвали мы Бога Создателя, да спасетъ великую державу, и воскликнули: — «не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу!» — И Господь свое имя прославилъ въ Царѣ Благословенномъ, и знакъ перста̀ своего оставилъ на Воителѣ незабве́нномъ. О, миръ тебѣ, Наполеонъ! хоть ты и не съ миромъ пришелъ къ намъ. Не стыдно подраться намъ было съ тобою. Мы никакъ не прочь отъ бою, когда добро свое защищаемъ, но зломъ Великаго не поминаемъ. Люблю молодца и въ Татаринѣ! Князь Смоленскій Кутузовъ по чину проводилъ Французовъ. — «Отъ великаго до смѣшнаго ондинъ шагъ» — сказалъ покойный безпокойный Наполеонъ, да и былъ таковъ. И звѣзда падаетъ съ неба — аминь, аминь, разсыпься! Всѣ разсыпались и побѣжали, пята̀ми накивали. Приписавши же одному Богу нашу удачу, пошли мы на Сену, и честно отдали сдачу: ибо долгъ платежемъ кра́сенъ, и клинъ клиномъ выбивается; чѣмъ поиграешь, тѣмъ и ушибёшся; и чѣмъ ушибёшся, тѣмъ и лечись. Сами жъ вы, добрые люди, гости не званные, вздумали огнёмъ играть, и, неспросясь броду, пошли въ воду; между тѣмъ какъ, чужое добро страхомъ огороже́но; а площадная рѣчь, что виноватаго надобно сѣчь. Аль вы насъ не по́няли? Русской терпѣливъ до зачину. Но вы правы: нѣтъ вѣдь такихъ травъ, чтобъ знать чужой нравъ. Злато искушается огнёмъ, а человѣкъ напастьми. Вы начали, мы кончили: на начинающаго̀ Богъ; Богъ правому дѣлу побо́рникъ. Но дѣло сдѣлано, и концы въ воду!

8.

Тёртый калачъ вкуснѣе, бывалый человѣкъ искуснѣе; русской народъ переимчивъ: прошедши всю Европу, всего мы насмотрѣлись, всё смѣкнули, всё своими глазами повѣрили, — свои собственныя силы измѣрили, а я нашептывалъ всѣмъ и каждому: — «это перенимайте, а того избѣгайте!» — Бранися, а на миръ слово оставляй; добрые люди бранятся на миръ, и, побратавшись, сойдутся на добренькой пиръ; сходись — бранись, расходись — мирись. Такъ и сдѣлано. Когда же мы возвращались, то всѣ за нами увивались, какъ ласточки — касаточки. Повинную же голову и мечь не сѣчётъ; намъ-то хотѣли отсѣчь, а мы и другимъ приставили отсѣчённую. Виноватаго кровь — вода, а невиннаго — бѣда. Но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Съ той поры всё у насъ обновилося, утвердилося, и пошло покорно подъ рукою Царскою, по путямъ Промысла. Вольному воля, а спасённому рай; всѣ живутъ у насъ, припѣваючи. И послáло намъ Небо Новаго Правителя, Мудраго воли его Исполнителя. Онъ возвеличилъ достойнаго сына своего Закона Самодержавича Православнаго, а съ нимъ и дочку — Россію, и взялъ съ меня слово — беречь ихъ отъ злóва, и дѣтокъ ихъ, то есть, Васъ изберегать, уму разуму научать, какъ хранилъ и училъ я мою ненаглядную, и ему приносить вѣсточку отрадную. —

Спущенъ корабль на воду, отданъ Богу на руки. Кто за чѣмъ пошелъ, тотъ то и нашелъ. У насъ не Польша, есть и больше; выше лба уши не растутъ; кто съ кѣмъ посланъ, тотъ тому и повинуется. Живи себѣ ни шатко, ни валко, ни на́сторону, съ молитвою въ устахъ и съ работою въ рукахъ: а коли пойдётъ вкось, да врозь, такъ и дѣло брось! Гдѣ худо, оттуда бѣгутъ добрые люди; а нашего поля прибыло, прибыло: знать у насъ не дурно! Кто изъ захожихъ къ намъ не можетъ сказать: къ Со́ли * иду — ничего не несу́, отъ Со́ли иду́ — полну пазуху несу́. Да! Матушка Россія — чаша, какъ море Солове́цкое, пьютъ изъ нея про здоровье молодецкое! Вятка всему богатству матка, Сибирь — золотое дно, а доброе братство милѣе богатства. Великій Новгородъ — отецъ, Кіевъ — мать городовъ Русскихъ; Москва — сердце, Петербургъ — голова Россіи. Въ Архангельскѣ хлѣбъ поспѣваетъ изъ закрома въ закромъ въ шесть недѣль. — Божья коровка, полетай на Волгу! тамъ тепленько, а здѣсь холодненько; Поѣзжай на *Низъ* — пшеничное ѣсть. Видѣла старь во Владимірѣ деревяныя печи, золотыя ворота и желѣзныя церкви. Собирались кулики, на болотѣ сидючи, — они Суздальцы, Володимирцы, и волынка, и гудокъ. Толоконники Воложане толокномъ Волгу замѣсили, судами съ хлѣбомъ покрыли. Въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ. Москва

* *Большая Соль*, село, и *Малая Соль*, посадъ, Костромской Губерніи; изъ нихъ позволяется каждому пѣшему выносить безденежно столько овощей, сколько онъ поднять въ состояніи.

сидитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ. А барамъ Питеръ бока вытеръ. Ярославль городокъ—Москвы уголокъ. Кинешма, да Рѣшма кутитъ, да мутитъ, а Солдогда убытки платитъ.—Жернова говорятъ въ Кіевѣ лучше, а ступа говоритъ, что тутъ, что тамъ. Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава, а въ грязи, какъ жаба.—На Дону ни ткутъ, ни прядутъ, а хорошо ходятъ. Казаки, какъ дѣти, и много поѣдятъ, и малымъ наѣдятся. Но чего казакъ не унесётъ, то разобьётъ.

У насъ, Владимірцы — каменщики, клюковники; Новгородцы—плотники, гущеѣды; Псковичи—капустники; Осташи—ершеѣды, сапожники — златошвеи; Тверитяне—ряпужники; кашинцы—водохлёбы; Кинешемцы и Рѣшемцы—суконники; Вичуговцы—салфеточники; Юрьевцы—китаешники; Луговцы—разнощики; Усольцы—огурешники; Буевцы—домосѣды, лѣсники; Сольгаличане—известняки, бревенники; Кологривцы—дегтярники; Галичане—мѣховщики; Кадуевцы—кадошники; Ветлужцы—сапники; Варнавинцы—медовики; Роменцы—табашники; Донцы—осетерники; Крымцы—селёдники, садовники.

Каменецъ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда. Во время оно—кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ и чудесъ не видалъ. А ныньче—то, на Руси никогда солнце не заходитъ; на востокѣ—вьюга да буранъ, на западѣ—виноградъ; на югѣ песокъ яицы печётъ, а на сѣверѣ мохъ на снѣгу растётъ,—и всё Божье, да Государево. Что Царь думаетъ, то народъ вѣдаетъ. Царь повелѣваетъ, а Богъ на истинный путь

направляетъ: хлѣба у насъ съ душу, денегъ съ нужу, платья съ ношу! да будетъ же во всемъ воля Божія, а судъ царёвъ! Всѣмъ добрò, никому зло, тò законное житье. Всё минётся, одна правда остаётся. Кто смиреньемъ себя украшаетъ, тотъ честностью укрѣпляетъ. Гдѣ видѣнъ путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой! Слово—законъ, держись за него, какъ за колъ. Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ: ибо Богъ долго ждётъ, да больно бьётъ! Но ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей: мы печемся другъ обо другѣ, а Богъ обо всѣхъ. А что Богъ на небѣ, то Царь на землѣ: Царь щедръ—отецъ есть всѣмъ; за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ; а Нашъ Батюшка, *гдѣ силъ не хватило, и за усердіе награждаетъ.*

И такъ, кто я таковъ? догадайтеся! и меня ни на мигъ не чуждайтеся: я—вашъ двойникъ, духъ Россіи, духъ вашъ общій народный, мыслящій, дѣйствующій, безсмертный! вы, Русскіе, составляете тѣло мое; слово ваше есть душа, меня съ вами связующая; а потому вы должны мыслить, жить и чувствовать по моимъ только внушеніямъ, а не по чужеземнымъ искушеніямъ, помня, что: русской умъ—вѣра, православіе! русская воля—совѣсть, законъ, самодержавіе! русское чувство—хлѣбосольство, братолюбіе, народность! Наши исты—богомудро чисты; особенный изводъ отличаетъ народъ: но слова, что волна, глаголы—полы, а всему голова правота и дѣла.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАНИЗАННЫЯ ЖЕМЧУЖИНЫ

или

ЗОЛОТОЙ САМОРОДОКЪ

САМОБЫТНАГО РУССКАГО НАРОДНАГО МУДРОСЛОВІЯ.

Аще бо премудрость призовеши, и разуму даси гласъ твой, чувство же взыщеши великимъ гласомъ: и аще взыщеши ея яко сребра, и яко же сокровища испытаеши ю: тогда уразумѣеши страхъ Господень, и познаніе Божіе обрящеши. Кн. Притч. Солом. Гл. II, ст. 3—5.
Гласъ народа гласъ Божій (посл.)

1.

СЛОВО.

Слово во время и кстати сильнѣе письма и печати; ибо старинная пословица не мимо молвится: глупая же рѣчь не пословица, а старая пословица во вѣкъ не сломится. Мужикъ за поговоркой до Москвы шелъ. —

Языкъ тѣлу якорь. Лишнее слово досаду наноситъ и до стыда доводитъ; что на умѣ, то и на языкѣ; отъ избытка сердца уста глаголютъ; что̀ у тверёзаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ; но слово не воробей, вылетитъ, не поймаешь, — слово не стрѣла, а пуще стрѣлы. Языкъ малъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ. Старый говоритъ о томъ, что дѣлалъ, — молодой, что̀ будетъ дѣлать, а глупый, что дѣлаетъ: сычъ, сычъ, какъ бы не твой язычъ. Но что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; а Богъ далъ два уха и одинъ языкъ, чтобъ мы больше слушали, а меньше говорили. Впрочемъ, не всякое лыко въ строку; ошибка въ словѣ не споръ. — На чужой ротокъ не наброшись платокъ: одинъ языкъ перемелется, другой переболтается, — конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается. — Оно-то со лжи люди не мрутъ, да впередъ имъ вѣры неймутъ; кто охочъ лгать, того не льзя за друга принять: лгать, такъ людей убѣгать. Молодому лгать стыдно, а старому не потребно; между тѣмъ, люди ложъ, и мы тожъ: но всякая неправда грѣхъ. Конечно иногда шутки ходятъ въ шубкахъ, шутя, люди медъ пьютъ; однако, шутки шути, а людьми не мути, — шути, да и оглядывайся, — шути до тѣхъ поръ, пока краска въ лице не войдетъ. Въ напраслинѣ, что въ дѣлѣ люди погибаютъ, коли къ нимъ грѣхъ чужой прикладываютъ: но иной для краснаго словца не пожалѣетъ и отца. Языкъ доводитъ до Кіева и до кія. Гдѣ много словъ, тамъ мало дѣлъ. Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами. Хорошо, что хоть наушника никто не почитаетъ,

а лукаваго всякъ бранитъ, и кто переноситъ вѣсти, тому не дѣлаетъ то чести. Но по старой памяти, что по грамотѣ, — за что̀ купилъ, за то̀ и природою. Впрочемъ, много говорить, голова болитъ. — На Сойку язычекъ, а нравъ по словамъ видѣнъ; и дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Брань на вороту̀ не виснетъ: собака лаетъ, вѣтеръ вѣетъ; но полаютъ, да и отстанутъ. Забчная брань ни во что̀ да вмѣнится, и обратится въ поношеніе тому, кто ее произноситъ. Словомъ ребра не переломишь; но красна̀ нива пшеницею, а бесѣда смиреніемъ. Слухомъ земля полнится: сорока воронѣ, ворона боровy, а боровъ цѣлому городу. Людская молва, что морская волна расходится. Доброе же слово лучше мягкаго пирога; ласково слово не трудно, да споро — ласково слово пуще дубины подгонитъ къ дѣлу. У Русскаго, что рѣчь, то поговорка и пословица; что шуточка, то прибоуточка. *Право* велико слово: сказано — сдѣлано. А кто не устоитъ въ словѣ, тому да будетъ стыдно. Въ словѣ Русскомъ видѣнъ весь Русской человѣкъ.

2.

МІРЪ — ПРИРОДА — СВѢТЪ БОЖІЙ.

1. Русская природа.

а. *Небо*. Небеса повѣдаютъ славу Божію. Небо — риза Господня! Небо — престолъ Бога живаго, земля — подножіе ногъ его. Небо — теремъ Божій; звѣзды — окна,

въ кои ангелы на людей смотрятъ. Красное Солнышко—Князь земли; свѣтлый мѣсяцъ—Княгиня любитъ дождикомъ умываться. По крутизнѣ роговъ Мѣсяца и по ушамъ (чёрнымъ пятнамъ) Солнца старь погоду узнавала. Случается, что на Солнце находитъ Планида,—эка планида! старый Мѣсяцъ Богъ кропитъ на звѣзды. По звѣдамъ корабли ходятъ. Сажаръ—колесница, не медвѣдица, а на охоту манитъ. Утиное гнѣздо—жилище Духовъ говоритъ погоду Тулѣ на цѣлый мѣсяцъ. Кичиги, пять звѣздъ, часы Костромѣ показываютъ. Бѣлесоватая полоса—Іерусалимская дорога; бѣлые пути, маньякъ—падающія здѣзды,—аминь, аминь, разсыпься! Метлы небо подмѣтаютъ передъ Божьими стопами. На Рождество, Крещенье, Благовѣщенье, Свѣтлое Воскресенье а Іоанново рожденье Солнце играетъ. Вся Тварь Бога прославляетъ.

Б. *Земля.* Рыбамъ море, птицамъ воздухъ, а человѣку отчизна вселенной кругъ. Гдѣ заросла сосна, тамъ она и красна. Мужикъ съ пѣтухами встаетъ, по пѣтухамъ вёдро и ненастье предузнаетъ. Вѣщія галки да вороны не зиму такъ бурю накликаютъ; ласточки-касаточки весну вызываютъ, хотя одна ласточка весны не дѣлаетъ; сѣвчики мошки посѣвъ осенній начинаютъ. Лебедь летитъ къ снѣгу, а гусь къ дождю,—лебедь несетъ на носу снѣгъ. Ласточка день начинаетъ, а соловей вечеръ оканчиваетъ. Сколько разъ бухало будетъ бухать, по столько кадей хлѣба будетъ съ овина. Весна слѣтаетъ съ земли, и объ Иванѣ дѣвки Купало скачутъ; пройдетъ лѣто собироха, осень ѣздитъ на пѣгой кобылѣ; приходитъ зима прибироха, и о

святкахъ Коледу коледуютъ дѣвки. Лѣто припасика, зима приберика! Если первый день бабьяго лѣта ясенъ, то и осень будетъ тепла; но вотъ сипитъ и дуетъ, что-то будетъ! Бываетъ такой годъ, что и на день семь погодъ: кутитъ, мутитъ, сѣетъ, вѣетъ, рвётъ, несётъ и сверху льётъ. Вѣтеръ Шелейникъ по Онегѣ разбойникъ. Подули вѣтры: тамъ продольный, тамъ восточный, тамъ середній, тамъ Ребровскій. Подули съ Сѣвера Галицкіе ерши, подуетъ же на Волгу съ Юга и Хилокъ къ вёдру. На Тверь дуютъ попутный пáвѣтеръ, Сѣверо-восточный межникъ, меженецъ, противный противень, а въ бокъ боковикъ, покачень. Уже трещатъ морозы: Рождественскіе Водокрещи, Аѳанасьевскіе—Аѳанасья—Ломоноса и Срѣтенскіе,—на Костромѣ Власьевьскіе; трещатъ по Сибири Покровскіе, Катериненскіе, Никольскіе, Рождественскіе и Крещенскіе. А вотъ сорокъ мучениковъ—еще сорокъ утренниковъ: но ужъ трещи, не трещи, а минули Водокрещи—не къ Рождеству идетъ, къ Великодню; при томъ же, въ зимній холодъ, всякой молодъ, и какъ морозъ не великъ, а стоять не велитъ; то что мужику дѣется? бѣжитъ онъ, да грѣется. Впрочемъ зимѣ и лѣту союза нѣту; умножилъ Богъ зиму морозами, а лѣто мухами. Февраль свадьбы мѣсяцъ воду подпуститъ, а Мартъ подберетъ; на Москвѣ жъ и Тулѣ ни въ Мартѣ воды, ни въ Апрѣлѣ травы, Мартъ, Апрѣль, Май и Іюнь вино въ бочкахъ сушатъ; Августъ, Сентябрь и Октябрь хозяина крушатъ. Іюль, Августъ и Сентябрь каторга; да послѣ будетъ мятовка. Іюль-то, хоть раздѣнься, а

Декабрь-то потеплѣе, одѣнься; и вплоть до Святаго Духа не снимай кожуха; а прошелъ, Спасъ, бери рукавицы про запасъ. Рано затаетъ, долго не растаетъ. Но вотъ и Югъ вѣетъ, стараго грѣетъ. Великъ воздухъ сбиваетъ сѣмена; сладимый вѣтеръ — благополучный воздухъ вбиваетъ сѣмена, разбиваетъ почку деревъ. Весна красна̀, на все пошла. Весной и лѣтомъ сутки мочатъ, а часъ сушитъ. Весною дождь паритъ, а осенью мочитъ. Коли на всеѣдной хороша погода, то и масляница будетъ тепла́. Какова пестрая, такова и масляна. На Благовѣщенье дождь, родится рожь. По путямъ Смоленскимъ да Московскимъ или недѣлю не доѣздишъ до Благовѣщенья, или недѣлью переѣздишъ; а южнѣй-то? смѣло покинь сани, возьми возъ? Вотъ день Іереміи запрягальника, Ярёмника, вотъ Зосимы Пчельника. Святый Юрій запасаетъ коровъ, Николай коней. А время-то времячко летитъ: первый Спасъ часъ припасъ, Петръ и Павелъ два прибавилъ, Илья Пророкъ три приволокъ *. Вотъ Петровка голодовка, вотъ и Спасовка ласовка! Святой Георгій красную весну на Красную Горку начинаетъ; Пророкъ Илья лѣто кончаетъ, жито зажинаетъ, Пречистая засѣваетъ, а Покровъ собираетъ. Всѣ свое дѣло сдѣлали: и огонь-царь, и вода

---

* Смотрите Кіевскій Молитвенникъ. 6-го Генваря Богоявленіе, по просторѣчію, первый Спасъ. 10-го Павла Комельскаго. 15-го Павла Ѳивейскаго. 16-го Петра. 17-го въ тропарѣ упоминается Илья. Между нами распредѣлено прибавленіе дня, конечно не съ безошибочною точностью; и если припомнимъ Петра и Павла 29-го Іюня, Илію 20 Іюля; то такое же распредѣленіе относится къ прибавленію ночи, какъ и Снегиревъ думаетъ.

царица, и земля-матушка, и небо-батюшка, и вѣтеръ-господинъ, и гололедица-мачиха, и мятель-падчерица, и мокрый снѣгъ-пасынокъ. Вотъ и круглый годъ: половина постъ, половина мясоѣдъ, да сверху Святая недѣля; — словно, полдуба сухаго, полдуба сыраго, да макушка золотая.

2. Русскія времена года.

Начинается Сѣчень, и на Васильевъ вечеръ день прибываетъ на куричей шагъ, а дѣти подъ окопьемъ просятъ свинку да боровка для Васильева вечерка, кишку да ножку въ верхнее окошко. — Вотъ Петра полукорма, Тимоѳея полузимника, Оксиньи полухлѣбницы, полузимницы. За Сѣчнемъ слѣдуетъ Лютый; и на Срѣтеньевъ день отъ воробья стѣна мокра; еслижъ снѣжокъ, то весною дождёкъ; а если мятель дорогу переметаетъ, то кормъ подметаетъ; — зима съ лѣтомъ встрѣтилась; солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ. — Но вотъ и Святаго Власья сшибирогъ съ зимы; а глядь, и Касьянъ, что на скотъ взглянетъ, скотъ валитъ, — на дерево, дерево валитъ. За Лютымъ Березозоль. Иногда и Мартъ нà носъ садится, и грачъ; а иногда курицы напьются водицы изъ лужицы. Съ какой стороны Евдокія подуетъ, съ той весною и лѣтомъ вѣтеръ будетъ. Герасимъ грачевникъ грачей пригонитъ. На день Сорока Мучениковъ день съ ночью мѣряется, — прилетаютъ жаворонки и сорокъ птицъ; прилетѣлъ куликъ изъ заморья, принесъ весну изъ неволья. На Алексѣя Божья человѣка съ горъ потоки спускаются. Вотъ Дарьи

оклади проруби. На Благовѣщёнье птицъ на волю отпущёнье, и воронъ гнѣзда не свиваетъ, весна лѣто побораетъ.—За Березозолемъ Травень: и въ Апрелѣ земля прѣетъ, огородные сверчки начинаютъ свои скачки. Святый Ѳедулъ теплый вѣтеръ подулъ; Антипа водополъ воду разливаетъ; Василій Парискій землю паритъ: смѣло выверни оглобли, закинь на повѣть, выскочи изъ куста. Юрій росу спустилъ, но не всякому выйти на Юрьеву росу. За Травнемъ Цвѣтенъ; и потому Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ,— Егорій съ водой, а Никола съ травой; но у насъ два Егорья, одинъ холодный, другой голодный. Борисъ— соловьиной день въ Нерехтѣ (начинаютъ пѣть соловьи).—Ай, ай, государь Май, тепелъ не холоденъ, да бываетъ голоденъ. Коли Мокіевъ день мокръ, то и лѣто мокрò. Какъ пройдутъ Сидоры, такъ пройдутъ и Сиверы. За Цвѣтнемъ Червецъ: съ Петра Аѳонскаго солнце поворачивается на зиму, а лѣто на жары; на Тихона птицы затихаютъ, солнце идётъ тише; на Мануила солнце застаивается,—съ успенія Іоанна Златоустаго засыпается; съ Петрова дни зарница зоритъ хлѣбъ. За Червецомъ Липецъ-макушка лѣта: на Илью до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень; до Ильина дня подъ кустомъ сушитъ, а послѣ Ильина дня и на кустѣ не сохнетъ. За Липцемъ Серпень: серпы грѣютъ, вода холодитъ.—За Серпнемъ Рувень: Семенъ лѣто проводитъ, бабье лѣто приводитъ; осень смотритъ Сентябремъ. На Воздвиженіе Честнаго Креста гадъ и змѣя не движется, а хлѣбъ съ поля движется. Вотъ и Никиты гусепролёта!—Съ Сергіева дня начинается,

а съ Матрёны устанавливается зима на Костромѣ.— За Рувнемъ Паздерникъ: Покровъ Богоматери первое зазимье; когда на Покровъ вѣтеръ подуетъ съ Востока, то зима будетъ холодна;—Покровъ, натопи нашу хату безъ дровъ!—Послѣ Казанской дождь пойдетъ, всѣ луночки нальетъ, и зима прійдетъ.—За Паздерникомъ Листопадъ. Косьма и Деміанъ на Тулу идутъ съ гвоздемъ, Михаилъ Архангелъ съ мостомъ, а Филиппъ на Русь на всю съ постомъ. Ѳеодоръ Студитъ студить начинаетъ. Юрій холодный оброкъ собираетъ. За Листопадомъ Груденъ аль Студень: Варвара мосты мостить, Сава гвозди востритъ, а Никола прибиваетъ,—Варвара мостить, Сава стелетъ, а Никола гвоздитъ; на Спиридона солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ.—Худо лѣто, когда солнца нѣту. Но снова солнышко красное принарядится и просвѣтлѣетъ, и коровка бочокъ нагрѣваетъ; мѣсяцъ дождикомъ умоется; земля хлѣбомъ покроется; но не земля родитъ, а небо.

3. Русское земледѣлье.

Хоть работа черна̀, да денежка бѣла̀; такъ держись сохи плотнѣе, будетъ прибыльнѣе; а не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника. Тотъ богатъ и тароватъ, у кого всякаго жита по лопатѣ.—Какова земля, таковъ и хлѣбъ; но не поле кормитъ, а нива: и потому земля любитъ навозъ; для того навозъ кладутъ, чтобы больше хлѣба родилось, а полбу сѣютъ, чтобъ людямъ годилась; гдѣ лишняя навоза колышка, тамъ лишняя хлѣба коврыжка. — Кто пахать не

лѣнится, у того хлѣба больше родится. Кто станетъ, не лѣнясь, пахать, тотъ будетъ и богатъ. Родись человѣкъ, краюшка хлѣба готова. Но не столько роса, падающая съ воздуха, сколько потъ, текущій съ лица творитъ поля плодородными. Пусть осень говоритъ гнило, а весна мило, только лишь бы было. Матушка рожь кормитъ всѣхъ дураковъ, а пшеничка по выбору. Хоть рѣшетомъ, да ежедень, а на ситное не надѣйся. Орать пашню, копить квашню. То не бѣда, что во ржи лебеда; а тогда двѣ бѣды, когда ни ржи ни лебеды. Холщевая рубаха не нагота, а не вѣянный хлѣбъ не голодъ. И перероды бываетъ хуже недорода. Сѣй рожь, хоть на часокъ, да въ пепелокъ, а овесь хоть въ воду, да въ пору. Дастъ Богъ дождь, даетъ и рожь. Рожь говоритъ: сѣй меня въ золу, да въ пору; а овесъ говоритъ: топчи меня въ грязь, а я буду князь. Рожь двѣ недѣли зеленится, двѣ недѣли колосится, двѣ недѣли отцвѣтаетъ, двѣ недѣли наливаетъ, двѣ недѣли подсыхаетъ.—Сѣй рожь въ золу, а пшеницу въ пору.— Когда на дорогѣ грязь, тогда овесь князь; овесъ и сквозь лапоть проростаетъ,—грѣчиха мала, овсу подростъ,—когда яровой хлѣбъ сѣю, то съ поотдышкою и на стороны погляжу; а ржанной хлѣбъ сѣю,— шапка съ головы свалится, и той не подниму: да! пашню пашутъ, руками не машутъ.—Скоро въ рѣшетѣ густо, а въ закромѣ пусто.—Осенней озими не клади въ засѣкъ. Кто сѣетъ рожь на Флоровъ день, у того родятся Флорки; и коли до Флорова дня жита не отсѣешь, Флоры и родятся. Осень говоритъ: я

поля хлѣбомъ упряжу; а весна говоритъ: я еще погляжу.—Если цвѣтетъ много рябины, то хорошъ будетъ урожай овса. Хлѣбородье предвѣщаетъ жестокіе морозы, ранняя весна, большое половодье. Когда весна стоитъ красными днями, тогда сѣй пшеницу; когда станетъ земля тепла, то яровое. Раннее яровое сѣй, когда сольетъ вода, а позднее, когда цвѣтъ калины будетъ въ кругу. Когда съ деревъ листъ опадаетъ чисто, особливо съ дуба и березы, то будетъ легко всему,—хлѣбу, людямъ и скоту. Когда въ заячье ухо дубъ развернется, сѣй овесъ. Когда весна снѣгъ сгоняетъ красными днями, то родится сѣмя. Грѣчиху сѣй, когда роса хороша,—ленъ съ ярью не ладитъ.— Все зимою сгожается, что лѣтомъ урожается. Но въ кабалахъ не деньги, въ копнахъ не сѣно; худо сѣно, половина травы. Береги заповѣдныя дубравы; кусты нажальникахъ (кладьбищахъ) и лѣса; а то иные думаютъ: по нашъ вѣкъ станетъ, а послѣ насъ хоть и трава рости перестанетъ, хоть волкъ траву ѣшъ. За неволю къ полю, когда лѣсу нѣтъ. — Метла да костра, будетъ хлѣба до Петра, а синецъ да звонецъ, хлѣбу конецъ.

На Святаго Вукола телятся жуколы (коровы).— На Благовѣщенье на суровую пряжу не глядить. На Марію Египетскую кушай пустыя щи. На Святаго Пуда вынимай пчелъ изъ подъ спуда. Коли на Егорья зимній и вешній морозъ, то будетъ и просо, и овесъ. Когда росаду посѣешь на Егорія, то будетъ хороша. Коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ. Коли въ Юрьевъ день листъ въ полушку, на Ильинъ

клади хлѣбъ въ кадушку. Борисъ и Глѣбъ сѣютъ хлѣбъ. Сэжая капусту, приговаривай: небудь голенаста, а будь пузаста; не будь пустая, а будь густая; не будь красна, а будь вкусна; не будь стара, а будь молода; не будь мала, а будь велика.—Кто сѣетъ пшеницу на Симона Зилота, у того родится пшеница какъ злота. Никола осенній лошадь на дворъ загонитъ, а Никола весенній лошадь откормитъ. Егорій съ ношей, Никола съ возомъ. На Алёну сѣй ленъ; на Леонтія и Фалалея огурцы сади. На Петра и Павла барашка въ лобъ! На Ильинъ день первый снопъ и первый осенній праздникъ. До Ильина дня сѣно сметать, пудъ меду въ него накласть. Борисъ и Глѣбъ—поспѣлъ хлѣбъ. Съ Флорова дня засижиdroіваютъ ретивые, а съ Семена лѣнивые. Лупъ льны лупитъ. Въ Семеновъ день до обѣда паши, а послѣ обѣда пахаря валькомъ маши.—Въ заревницынъ Ѳеклинъ день—хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ. Съ Покрова снѣгъ покрываетъ землю, начинаются свадьбы, дѣвицы припѣваютъ: Батюшка Покровъ, покрой сыру землю и меня молоду!—Подъ Крещенье яркія звѣзды породятъ бѣлыя ярки (ягнятъ). Темныя Святки—молочныя коровы; свѣтлыя Святки—носкія куры.

3.

БОГЪ.

Безъ Бога ни до порога: ибо все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ. Русскій Богъ

великъ, великъ Богъ Христіанскій! Богъ все строитъ, и что Богъ не строитъ, все къ лучшему. Богъ старый Чудотворецъ; богатъ Богъ милостью; кто таковъ, какъ не Богъ. Сильная рука Богу судитъ. Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью. Богъ пристанетъ, и пастыря приставитъ. Богъ дастъ день, дастъ и пищу, — далъ животъ, дастъ и здоровье; коли Богъ дастъ, то и въ окошко подастъ. Однакожъ, на Бога надѣйся, а самъ не плошай. — Боже поможи! — а ты, мужикъ, не лежи! — Богу молись, а къ берегу гребись; молись, а злыхъ дѣлъ берегись: береженаго и Богъ бережетъ. До Бога высоко, до Царя далеко; такъ пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ; но Богъ видитъ, кто кого обидитъ. Бога хваля, не погибнешъ, а хуля не воскреснешь. Богу молиться, всегда пригодится. Все Божье да Государево; Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ. Покланяйся Христу не мазанному, не писанному, а Христу животворному. Образъ Божій не въ бородѣ, а подобье не въ усахъ. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, тамъ тишь, да гладь, да Божья благодать. Голенькій, охъ, за голенькимъ Богъ, а Богъ не убогъ. Богъ на всякаго не угодитъ; рано кому не дано: подумаешь, горе; а раздумаешь, будь воля Божья! У кого пистóли, а у насъ дубинки Христовы. Да какъ бы не Богъ, кто бы намъ и помогъ. За сиротою Богъ съ калитою. Богъ не скоръ да мѣтокъ. Богъ правому дѣлу поборникъ. Богъ все видитъ. Бога бойтесь, Царя чтите. Пѣнію время, и молитвѣ часъ. Гдѣ страхъ, тамъ и Богъ, тутъ и бла-

гочестіе. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: смотришь, Богъ далъ, Богъ и взялъ. Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ; и гдѣ голь беретъ? Богъ ему даетъ. Кто потѣетъ на нивѣ, да молится Богу въ клѣти, тотъ отъ голоду не умираетъ: Богъ труды любитъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ; но въ комъ нѣтъ стыда, въ томъ нѣтъ и Бога, — въ томъ и Богъ, въ комъ есть стыдъ. Простота — чистота — половина спасенья и человѣка къ Богу приводитъ. Гдѣ просто, тамъ Ангеловъ со сто, а гдѣ хитро, тамъ ни одного. Кто малымъ доволенъ, тотъ у Бога не забытъ. Напитай, Господи, душу малымъ кусомъ. — Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей: мы печемся другъ обо другѣ, а Богъ обо всѣхъ. Богъ любитъ Тройцу. Безъ Трóицы и домъ не стрóится. Кто нá морѣ не бывалъ, тотъ Богу усердно не молился. Какъ бы Богъ слушалъ худаго пастуха, то весь бы скотъ выдохъ. Кто добро творитъ, тому Богъ отплатитъ; за неблагодарныхъ Богъ благодаритъ. Кто неправдою живетъ, того Богъ убьетъ: Въ правдѣ Богъ помагаетъ, въ неправдѣ онъ же запинаетъ. Злой человѣкъ не проживетъ въ добрѣ вѣкъ: — Богъ его попутаетъ. Богъ судья, — виноватаго сыщетъ; міръ никто не судитъ, а одинъ Богъ. — Церковное богатство — убогихъ богатство: ибо всѣ душою Божьи, а тѣломъ Государевы; кого милуетъ Богъ, того жалуетъ и Царь. Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ! не въ силѣ Богъ но въ правдѣ. Постыжаетъ Богъ суды человѣческіе судьбами своими милосердными: Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ. Черная одежда не спасётъ, а бѣлая въ грѣхъ не

введётъ. Послушаніе важнѣй поста и молитвы. Не тò скверннтъ, что въ уста вхóдитъ, а тò, что изъ устъ и сердца выходитъ.—По вѣрѣ вашей дастся вамъ. Даромъ берёте, даромъ давайте: прóситъ убóгой, а подашь—Богу!

4.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Случается, что и много людей, да человѣка нѣтъ. У человѣка память въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣнье въ сердцѣ; око видитъ далеко, а мысль еще дальше; но мужикъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Впрочемъ на мужикѣ кафтанъ хоть сѣръ, а умъ не кто съѣлъ.— Оборотнемъ медвѣдь, волкъ пастухомъ, а свинья огородникомъ не бываетъ. Бываетъ и Федотъ, да не тотъ, а такъ себѣ — ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ.—Куда ночь, туда и сонъ.—Старъ батька, убилъ бы его; а умеръ батька, купилъ бы его.— Кинь кто бобами, будетъ за нами; но чужую бѣду бобами разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу. У инаго на недѣлѣ семь пятницъ. Вѣрь бородѣ, а порýки въ водѣ: борода Минина, а совѣсть глиняна. И все таки старикъ надѣнь хоть и парикъ, а не будетъ Католикъ: гдѣ старья, тамъ и статья,— Старина съ мозгомъ! Кто въ двадцать лѣтъ не уменъ, въ тридцать не женатъ, а въ сорокъ не богатъ, тому нечего ждать, — ожидать нечего, лишь бы день до вечера. Но случается и такъ, что сѣдина — въ голову, а бѣсъ — въ ребро.—Ужъ виденъ холопъ:

серьга въ ухѣ. Гдѣ смердъ думалъ, тамъ Богъ не былъ; смердей взглядъ пуще брани: и все таки подъ смурымъ кафтаномъ бьется ретивое; хоть шуба овечья, но душа человѣчья. Такъ не все бичемъ да хлыстомъ, иное можно и свистомъ. Живой не безъ мѣста, покойникъ не безъ могилы; мертвый у воротъ не стоитъ, а свое возьмётъ. Спасибо тому, кто поитъ да кормитъ; а вдвое тому, кто хлѣбъ соль помнитъ. День святъ, и дѣла спятъ; у Малороссіянъ Суббота - не робота, помой, да помажь, да и спать ляжь; а для чашниковъ и бражниковъ живётъ много праздниковъ: кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ; но то не спасéнье, — кто пьянъ въ воскресенье. У праздника два невольника: одному хочется пить, да не начто купить, а другаго подчиваютъ, да не хочется пить. Береги честь смолода, а здоровье подъ старость. Что грозно, то и честно. Въ семьѣ не безъ урода. На урóда все негóда: стыдъ не дымъ, глазъ не выѣсть; убей Богъ стыдъ, все пойдетъ хорошо; стыдъ подъ каблукъ, а совѣсть подъ подошву; стыдъ дѣвичій до порога; или панъ, или пропалъ, — или полковникъ или покойникъ, — или сѣна клокъ, или вила въ бокъ, — или въ стремя ногой, или въ пень головой, — или корень вонъ, или полонъ дворъ; двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать; семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, — смерть копѣйка, — голова нажитое дѣло и все бездѣлье, — день мой и вѣкъ мой, — хоть часъ, да вскачь; хоть въ ордѣ, да въ добрѣ. На людя́хъ и смерть красна; чужая бѣда за сахаръ. Всякая страна человѣку отечество; но съ родимой земли, умри, да не сходи. Терпи голова,

въ кости скована: — оттерпимся, и мы люди будемъ; терпи, казакъ, атаманъ будешь. Голь мудрена, мудра на выдумки. Сколько не жить, а обо всемъ не перетужить. Такъ и быть! всѣ бѣсы въ воду, да и пузыряя вверхъ. Хвастливаго съ богатымъ не узнаешь. Есть и такіе, что чужими руками жаръ загребаютъ, и баютъ: отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ. Да! громъ не грянетъ, — мужикъ не перекрестится. — Не вспоя, не вскормя, не видать врага. Гдѣ клятва, тамъ и преступленіе. — Сильные пишутъ правду, а чья сила, того и воля. Свой судъ короче, — своя рука владыка. Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Гдѣ мужъ, тамъ и жена, — по мужѣ раба, а по рабѣ холопъ. — Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не пристаётъ. Все равно, что жидъ крещёный, что недругъ мирёный. На одну строку правды милліонъ лжи. Нужда законъ перемѣняетъ; нужда не знаетъ закона. — Собака и на Владыку лаетъ, чтобъ сказали: ай, моська! знать она сильна, что лаетъ на слона. Миръ стоитъ до рати, а рать до мира. — Иногда бьютъ Ѳому за Ерёмину вину; случается, что и кошку бьютъ, а невѣсткѣ намѣтки даютъ. Многіе любятъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Бываетъ деревня добра, да слава худа. Иной блудливъ, какъ кошка, а труслив, какъ заяцъ; а тотъ выше лѣса, ниже травы, тише воды. Рыжій — красный — человѣкъ опасный; но въ чужомъ глазѣ пылинка видна, а въ своемъ и бревно не замѣтно. На безрыбье и ракъ рыба, на безлюдье и Ѳома человѣкъ. Ни подбородокъ, ни копыто не бываетъ безъ изъяна. Растол-

стѣвшая лошадь сбрасываетъ съ себя сѣдло; а посади свинью за столъ, такъ она и ноги-на столъ. Рыбакъ рыбака видитъ изъ далека. Воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Иной въ ноги кланяется, а за пяты кусаетъ; тотъ мягко стелитъ, да жестоко спать. Кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ. Доброму Савѣ добрая и слава: видѣнъ соколъ по полету, а мóлодецъ по ухваткамъ. Дуракъ броситъ въ воду камень,— десять умныхъ не вытащатъ. Корова реветъ, медвѣдь реветъ, а кто кого деретъ, и чортъ не разберетъ. Овцы безъ пастуха не стадо, и у семи пастуховъ овцы не стадо;—у семи нянекъ дитя безъ глазу. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье; что дворъ, то гóворъ; что старецъ, то ставецъ; всякъ молодецъ на свой образецъ. Что баба, что мѣшокъ: что положешь, то несётъ. Гдѣ есть баба, тамъ суйомъ *,—гдѣ двѣ бабы, тамъ содомъ. Гдѣ лукавый не поспѣетъ, тамъ женщину пошлетъ. Иванъ былъ въ Ордѣ, а Марья вѣсти сказываетъ. Но у бабы вóлосъ дóлогъ, а умъ коротокъ. Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти.

5.

ЧУВСТВО.

Не пóхорошу милъ, а пóмилу хорошъ. Свой своему по неволѣ другъ. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется. Другъ и братъ великое дѣло, не скоро его добудешь. Защищай крестъ и вѣру свою, а врага не утѣсняй. — Гдѣ больно, тамъ

* *Суйомъ*—мірская сходка, финское слово въ Олонецкой пословицѣ.

рука, а гдѣ мило, тамъ глаза. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Лучше жить въ зависти, чѣмъ въ жалости.—Одинъ любитъ попа, другой попадью, а третій поповну. Для друга нѣтъ круга, — семь верстъ не околоца; для милаго дружка и сережка изъ ушка.— Гдѣ былъ?—у друга!—Что пилъ?—воду, слаще сота и мёду!!—Худой миръ лучше доброй ссоры. Принеси Богъ гостя, и хозяину хорошо, пойдетъ пиръ горой, польется море разливанное. Тутъ все, что есть въ пѣчи, на столъ мечи; масломъ каши не испортишъ. Не тѣмъ наши предки оголѣли, что сладко пили да ѣли, а видно, на ихъ денежки прахъ пришелъ. Добрый именникъ до трехъ дней, добрая сватьба недѣлю! Краснà изба не углами, краснà пирогами; а сказками соловья не кормятъ. Доброе братство милѣе богатства: вѣника не переломишь, а по вѣткѣ и вѣникъ переломаешь. Кого почитаютъ, того и величаютъ.—Работай до поту и ѣшъ до сыта; для щей люди женятся: то и благо, что кисель да брага. Вѣстимо, пиво не диво и медъ не хвала, а всему голова, что любовь дорога. Хлѣбъ да животъ и безъ денегъ живётъ. Не купи двора, да купи сосѣда,—дворъ обо дворъ и калитка на дворъ.—Коли живы родители, то ихъ почитай,— коли умрутъ, поминай. Съ міра по ниткѣ, голому рубашка. На *Русй* еще отъ голода никто не умиралъ. Угости всякаго, чѣмъ Богъ послалъ, — чѣмъ богати, тѣмъ и ради. Нè солоно хлѣбать, что немилаго цѣловать, безъ соли не сладко, безъ хлѣба не сытно.— Дружбу помни, а зло забывай: потому что, тому тяжело, кто помнитъ зло; а кто старое помянетъ, тому

глазъ вонъ. Бранйся, а на миръ слово оставляй: добрые люди бранятся на миръ и, побратавшись, сойдутся на добренькой пиръ. Сходись, бранись,—расходись, мирись; а что бы не грѣшили передъ тобой впередъ, то прощай въ зачотъ.—Гости пóзваны и постели пóсланы. Гость доброй всегда хозяину пріятенъ. Не будь гостю запасенъ, да будь ему радъ. Не бей мужика дубиной, а бей полтиной; не бей дубьемъ, а бей рублемъ. Кто завистливъ, тотъ и обидливъ; завистливый сохнетъ и о томъ, когда видитъ счастье въ комъ. Самолюбъ ни кому не любъ. Другу дружи, а нéдругу не вреди. Ищи себѣ прибыли, другому не жалѣй гибели; не все для себя, йно мѣсто и для другихъ: въ лйхости и зависти нѣтъ ни проку, ни радости. Не бойся богатыхъ грозъ, а бойся убогихъ слёзъ. Злой плачетъ отъ зависти, а доброй отъ радости. Въ нашъ монастырь чужаго устава не принимать. Первая брань лучше послѣдней. Обидить—то легкò, да душѣ каково! Терпя, и камень треснетъ. Рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ кафтанъ. Не имѣй ста рублей, да имѣй сто друзей. Наши молодцы ни дерутся, ни борются, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ. Намъ въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Для добра — послѣдняя копѣйка ребромъ, и для веселья — каждое слово завиткóмъ. Русское чувство — хлѣбосольство, братолюбіе, народность.

6.

УМЪ.

Умъ любитъ просторъ; а какъ въ потёмкахъ и гнилушка свѣтитъ: то люди и отъ ума сходятъ съ

ума; умъ безъ разума бѣда; а догадка лучше разума. Безъ ума голова шебала. Умъ хорошо, а два лучше. Что голова, то разумъ. Сколько головъ, столько и умовъ: сто головъ, сто умовъ. Не дозрѣлой умокъ, что весенній ледокъ. Умомъ торговать, а безъ ума горевать. На умъ находитъ, всякой стихъ; удалой долго не думаетъ. Умной, что староста губной,— всякъ его боится. Бываетъ велика Ѳедора, да дура,— малъ золотникъ, да дорогъ. Слушай людей, а свой толкъ имѣй: свой умъ Царь въ головѣ. У инаго ума много, да разума нѣтъ, борода съ ворóта, а ума съ прикалитокъ; борода съ возъ, а ума—съ накопыльникъ не будетъ; а тотъ ýменъ, да неразуменъ; аль борода выросла, ума не вынесла. Умъ за разумомъ не ходитъ; но случается, что умъ за рáзумъ заходитъ, словно солнце за молодой мѣсяцъ; такъ у инаго умъ за разумъ зашелъ, да и затмился. Умъ разумомъ крѣпокъ; умъ разуму не указъ; но умъ разуму подспорье; иногда умъ доводитъ до безумья, а разумъ до разумья завсегда; и потому вездѣ потребно разумомъ раскинуть, разсудить. Случается горе отъ ума, а отъ разума не бываетъ. Рáзумъ говоритъ,—ума не спрашивай. Чего не видишь, о томъ и не бредишь; да что о томъ и толковать, въ чемъ толку не добьешься? Часто хорошо говорятъ, да нечего слушать. А какъ безъ ума торговать,—лишь деньги терятъ, а опасенье половина спасенья; то семь разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжъ. Не всякому слуху вѣрь: легкó сулить золотыя горы. Богъ наставитъ, Богъ на разумъ наведётъ.—Голова у ногъ ума не проситъ. Бываетъ на языкѣ мёдъ, а въ

сердцѣ лёдъ. Гдѣ ума не хватаетъ; спроси разума. Бываетъ и Богословъ, да не однословъ; разуму много, да рукъ не къ чему приложить; разуму много, да денегъ нѣтъ. Но гдѣ твёрдъ законъ, тамъ всякъ умёнъ.— По платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ.— Русскія пословицы изощряютъ разумъ и придаютъ силу рѣчамъ: тутъ наша мудрость, тутъ наша совѣсть,—гласъ народа—гласъ Божій. Сердце сердцу вѣсть даетъ,—душа душу знаетъ. Но сытое брюхо на ученье глухо. У дурака дурацкая и рѣчь,—пиши его слова на водѣ. Впрочемъ честь умъ раждаетъ, но конецъ дѣлу вѣнецъ. Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ. Отъ лишней чарки болитъ голова, отъ лишняго слова—совѣсть; отъ малой искры сыръ-боръ загорается. Вино одуряетъ. Мзда глаза ослѣпляетъ. Въ затылкѣ глазъ нѣтъ. Не все то золото, что блеститъ. Голова всему начало; бѣда, гдѣ хвостъ начало, а голова мачало. Не вѣрь брату родному, да глазу своему кривому. Кто умёнъ, тотъ умѣетъ и безвременье терпѣть. Знайку на судъ ведутъ. На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ. Иной-то паритъ высоко, а ничего не поймёшь,—сущая Эрмолафія. Не рѣдко Богословъ бываетъ богъ ословъ: а дума крѣпкая, раздумьицо великое. Всякъ хитритъ и мудритъ о чужой бѣдѣ, а о своей не радитъ и не смыслитъ; а вѣдь, кажется, умёнъ, какъ попъ Семёнъ, что Святцы продалъ, а карты купилъ. Дураку и пьяному море по колѣни; стараго же воробья на мякинѣ не поймаешь. Но какъ не мудри, а Бога не перемудришь: начало премудрости есть срахъ Божій; всякая

мудрость отъ Бога; да будетъ же Русской умъ — вѣра, православіе.

7.

СОВѢСТЬ.

Золотая волюшка мнѣ милѣй всего, нехочу я съ волюшкой въ мірѣ ничего; воля скачеть, воля пляшетъ, воля пѣсенки поётъ; но вольному воля, спасенному рай, а Русская воля — совѣсть! — Совѣсть добрая есть гласъ Божій. Добрая слава, когда хорошо живетъ Сава; но тому не такъ стыдно, кто заблудился; какъ тому, кто вовсе не воротился. Пропащій человѣкъ, кого и родные не усовѣстятъ. Воля портитъ, а неволя учитъ. Не съѣстъ собака, не покачавши, а кошка, не поворчавши. Съ чужаго коня среди грязи долой. Своя ноша не тянетъ. — Какъ тонуть, такъ топоръ сулятъ; а какъ вытащуть, такъ и топорища жаль. Бываетъ спереди—блаженъ мужъ, а сзади — вскую шаташася. Но худая трава изъ поля вонъ! Кто не хочетъ жить по Божьему суду и отеческому обычаю; тому: вотъ Богъ, вотъ и порогъ, и двери настежь, и святымъ кулакомъ—по окаянной шеѣ. Воля добру жену портитъ. Кто родителей почитаетъ, тотъ на вѣки не погибаетъ: родительское благословеніе на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ,— материна молитва со дна моря вынимаетъ; отцовская клятва сушитъ, а материнская коренитъ. Воля заводитъ въ неволю; неволя холопу, а воля Господину:

Господинъ въ неволѣ у прихотей своихъ. Гдѣ добры правы, тамъ хранятся и уставы; а гдѣ есть Царь, тамъ безопасенъ и овчарь. Честь лучше богатства; чести утрата большая бѣда; честное убожество легче стыда. За терпѣнье Богъ дастъ спасенье; но тотъ терпѣливъ быть не можетъ, кто воли своей не переможетъ: а кто воли своей не переможетъ, тотъ и счастливымъ быть не можетъ. Дай сердцу волю, заведётъ тебя въ неволю. Лучше умереть, а креста не цѣловать въ клятвѣ. Горе идущему и ведущему къ присягѣ. Грѣхъ невыполнить обѣта; но плетью обуха не перебьешь. Не обижай голяка! у голяка такая же душа.—Убогаго слеза жидка, да ѣдка; чужимъ добромъ не наживешься; и потому лучше торговать, чѣмъ воровать. Вору висилица, да кнутъ, а доброй никогда не плутъ. Воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели; воровство послѣднее ремесло; неправильное собраніе прахъ: отольются волку коровьи слёзки. Гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Горду быть — глупымъ слыть. Кто злымъ попускаетъ, тотъ самъ зло творитъ: вора миловать, добраго погубить. Не тотъ помни долги, кто въ займы берётъ, а тотъ, кто даетъ. Но кто неправдою живетъ, того Богъ убьетъ. Кто открываетъ тайну, тотъ погубляетъ вѣрность. Кто собою не управитъ; тотъ и другаго на разумъ не наведетъ. У иного на поготовѣ и лисій хвостъ и волчій зубъ. Но карое тѣло не вымоешь бѣло. Видѣнъ волкъ и въ овечьей шкурѣ.— Что старшіе вздумаютъ, на томъ и пригороды станутъ: ибо старшихъ и въ ордѣ почитаютъ. Князь

щедръ отецъ есть всѣмъ. Никакой мірянинъ отъ міра не прочь; а потому, что міромъ положено, тому и быть такъ.—Празднику честному златъ вѣнецъ, а хозяину доброе здоровье. Кабала вверхъ ведетъ, а неволя—внизъ; однакожъ неволя пьетъ медокъ, а воля—водицу: волкъ—то на волѣ, да и воетъ доволѣ; вольному воля, а ходячему путь. Куда голова, туда и животы. Иной гряды копалъ, да въ воеводы попалъ: доселева Макаръ огороды копалъ, а ныньче Макаръ въ воеводы попалъ.—Кто за чѣмъ пошелъ, тотъ то и нашелъ. Всему быть такъ, какъ помѣтилъ Дьякъ. Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста; но скоробогатящіеся впадаютъ въ напасть: не рой другому яму, самъ попадешь. Когда міръ окладываютъ, да волости окрадываютъ, тогда міръ великое дѣло: какъ всѣмъ міромъ воздбхнутъ, такъ и временщикъ издохнетъ.—Нашелъ, да не объявилъ, все равно, что утаилъ. Виноватыхъ прощаютъ; а правыхъ жалуютъ; но всякая вина виновата, и не всякая вина виновата. За грѣхи мука, а за воровство кнутъ. Не тотъ воръ, кто воруетъ, а тотъ, кто ворамъ потакаетъ. Конечно бываетъ, что на дѣлѣ правъ, а на дыбѣ виноватъ; на дѣлѣ правъ, а на бумагѣ виноватъ; ибо чужая душа въ потёмкахъ, чужая душа тёмный лѣсъ: но Богъ — послухъ; увѣчье не безчестье. Подавайся по рукамъ, такъ легче будетъ волосамъ; при томъ же горе тому мужу, коимъ владѣетъ жена; горе тому Царству, коимъ владѣютъ многіе. Направъ волю по Указу Государеву, по приговору Боярскому: ибо, что Царь думаетъ, то

народъ вѣдаетъ,—Русская воля—совѣсть, Законъ, самодержавіе.

8.

ЛѢПОТА.

Чтò дешево, тò гнило; чтò дорого, тò мило. Полюби меня въ чернѣ, а въ краснѣ всякъ полюбитъ. Свое золото и въ золѣ блеститъ. Се что краснò или что добрò, аще жити братіи вкупѣ. Смиренье, найлучшее дѣвицѣ ожерелье, смиренье и молодцу украшенье. Лѣпо—вѣровать слѣпо! Лѣпо—жить о Христѣ. Простота, чистота, правота — найлучшая Лѣпота!

9.

ИСТИНА.

Умная голова, разбирай Божьи дѣла; на правду мало словъ: одного слóва умному—дò сыть (то есть, дò сыта); не ищи въ другихъ правды, если ея въ тебѣ нѣтъ. Гдѣ много толковъ, тамъ мало толку. Всякъ правду любитъ, да не всякъ ее скажетъ: правду говорить, себѣ досадить; великимъ правду говорить не легче лжи; правда глаза колетъ; но хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь; хлѣбъ соль кушай, а правду слушай. Молвя правду, правду и чиній. А бояться волка, такъ и въ лѣсъ не ходить. Такъ хоть рѣдко, да мѣтко; хоть не скоро да здорово;

хоть разъ, да горяздъ. Но спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся; ибо часто слышишь, что звонять, да не знаешь въ какомъ приходѣ. Конечно ошибка въ хвальбѣ не ставится; но кто правды не скажеть, тотъ многихъ свяжетъ. Честный человѣкъ дороже каменнаго моста; онъ что скажеть, то какъ въ глазъ влѣпитъ. Неправдой зайдёшъ далёко, да назадъ не ворбтишься. Въ комъ нѣтъ добра, въ томъ и правды мало; а Богъ правду любитъ. Правда въ водѣ не потопаетъ, въ огнѣ не сгараетъ; все минется, одна правда остаётся: правда живетъ у Бога.

10.

БЛАГО.

Дѣлай добро, и жди добра. Сдѣлавши добро, не кайся. Лучше умереть съ добрымъ именемъ, нежели благоденствовать съ худымъ — по заслугѣ. Не тотъ добръ, кто только дѣлаетъ добро, но тотъ, кто при томъ и за зло платитъ добромъ. Не мѣстà добродѣтель красятъ, а добродѣтель мѣста краситъ. Броcь добро, добра и жди, а добро все впереди; а зло подумай, — и лукавый, какъ за руку, поведётъ. На Бога положишься, не обложишься. Добрый и на землѣ, какъ у Бога за дверьми. За Христомъ пойдешь, добрый путь найдешь. Безъ воли Божіей и волосъ не выпадаетъ изъ головы. Во что Богъ ни поставитъ, буди воля его святая! Всякое даяніе благо. Что Богъ ни строитъ, все къ лучшему.

11.

ИСКУСТВО.

Сурово не бѣлье, свое рукодѣлье. Не всякому по Якову. Каковъ Сава, такова ему и слава. Коровѣ сѣдло не пристало. Бываетъ охота страстная, да участь горькая. Какъ съ быкомъ не биться, а молока отъ него — не добиться. Но на грѣхъ мастера нѣтъ. Не святые горшки лѣпятъ. Однако худо шить лыками по золотой землѣ. Не конь, не лѣзь въ хомутъ. А—то, глазъ видитъ, да зубъ неймётъ. Кадка мёду, ложка дегтю, и все пропало. Такъ, вишь, — я за вкусъ не ручусь, а горячо состряпаю. Куда орлы летаютъ, туда сороки не достигаютъ. На вкусъ и на цвѣтъ доказательства нѣтъ; но какъ поправишься изъ кулька въ рогожку; такъ чудеса въ рѣшетѣ, — много дыръ, а некуда выскочить. Хорошее начало — половина дѣла. Охота пуще неволи, но на одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь. Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ. Каковы мы сами, таковы наши и сани. Смѣлость города беретъ; но частенько, надѣлаетъ синица славы, а мóря и не зажжётъ. Не въ томъ сила, что кобыла сива, а въ томъ, что не везётъ. За двумя зайцами погонишься, и одного не поймаешь. Капля камень долбитъ не силою, а частымъ паденіемъ. Взявшись за гужъ, не говори, что недужъ. Коли не попъ, не мыкайся въ ризу. Не лѣзь, куда голова не лѣзетъ. — Судить, рядить не умѣю, а меня въ судьи сажаютъ; у кого голосу нѣтъ, тотъ и пѣть охотникъ: то есть, рада бъ

душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Изъ воды, да изъ муки печёгъ баба пироги. Но не терши, не мявши, не будетъ калачь. Съ волками жить, по волчьи выть. Иной, подумаешь, тó-то штука! а разглядишь: ни тò, ни сё; ни рыба, ни мясо; ни скотъ, ни человѣкъ; ни ракъ, ни рыба. Всякая прибаска хороша съ прикраской. Складъ пѣсни лучше погудки, — складъ дороже пѣсни. — Нѐлюбо, не слушай, а лгать не мѣшай. Пріятны и старыя погудки на новый ладъ. Пѣсня быль, а сказка складка. Изъ пѣсни слова не выкинешь. Гдѣ рука, тамъ должна быть и голова. Иной на все собаку съѣлъ, кошкой закусилъ, — изъ семи печей хлѣбы ѣдалъ, — тертый калачь; а бываетъ и не въ коня кормъ, какъ сядешь не у своей тарѣлки, аль семеры яства, да все грибы. Таланъ не туманъ, не мимо идетъ. Счастливому таланъ отъ Бога данъ. Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ. Но скоморохъ голосъ на гудкѣ настроитъ умѣетъ, а житья своего не установить. На всякаго мудреца живетъ довольно простоты. Тотъ на что не взглянетъ, того и не сдѣлаетъ; а тотъ отъ одного берега отстанетъ, а къ другому не пристанетъ. Русской на все готовъ, удалъ и гораздъ.

12.

НАУКА.

1. Наука вообще.

Знай себя, — и будетъ съ тебя. Наука въ лѣсъ не ходитъ. Ученаго учить, — лишь портить. Одинъ человѣкъ

всего не можетъ знать. Ученье свѣтъ, а неученье тьма; ученье атаманъ, а неученье комаръ; учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ. Учись съ молоду,— слюбится подъ старость. Мѣха не надуть, а смерда не научить. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, и умрешь дуракомъ. Ученье красота, а неученье сухота. Кому Богъ дастъ сыновей, не ленясь, учи ихъ и бей. За битаго двухъ небитыхъ даютъ, да еще и не берутъ. Но чаще дѣтей наказывай стыдомъ, а не грозою и бичемъ. Хорошо — и честь и гроза. Умѣй дитя родить, умѣй и научить. Нетолько и свѣта, что въ окнѣ,— за окномъ больше. Такъ спрашивай не стараго, а бывалаго. Неученаго въ попы не стригутъ. Но дурака учить, что мёртваго лечить. Корень ученія горекъ, а плоды его сладки; дерево же по плодамъ познается.

2. Наука счета.

Трудовыя деньги кормятъ до вѣка. Маленькая добычка, да большой бережъ сохраняютъ бѣлую денежку про чорный день: курица по зёрнышку клюётъ, да сыта бываетъ. Бéрежно — нéдолжно. Денежка рубля бережетъ, а рубль голову стережетъ. Кто не бережетъ копѣйки, тотъ самъ не стоитъ рубля.— Дальше спрячешь, скорѣй найдешь. Трудовая, праведная денежка до вѣку живётъ, а неправедная прибыль — огонь. Иной продаетъ съ барышемъ, да ходитъ нагишемъ. По одёжкѣ протягивай ножки. Товаръ лицемъ продай, но покупщика не надувай. Запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Не покоря, ничего не купишь;

не похваля, ничего не продашь. Чужую крышу крой, а своя бы не текла. Не оспоримая рѣчь, что надобно деньги беречь. По каплѣ и море собирается. Не тотъ богатъ, у кого много добрà, а тотъ, у кого жена добрà, — и не тотъ, кто многимъ владѣетъ, а кто и малымъ довольствоваться умѣетъ. За́ моремъ телушка — полушка, да перевозу — рубль. Не товаромъ Богъ кормитъ, а купцёмъ. Но иной думаетъ: на гнилой товаръ пошли, Богъ, слѣпаго купца. Купленому золотой верхъ. Хлѣбъ на хлѣбъ не вадитъ. Большому кораблю — большое и плаванье. Жаль богатому корабля, а бѣдному кошеля. Страхъ — весело, какъ нѐ было ни гроша, да вдругъ алтынъ! А—то, купилибъ мы и селò, да денегъ — голо; купилибъ мы и городкѝ, да животы короткѝ. Бездонной кадки не наполнишь. Изъ чужаго мѣшка плата не тяжка. Собака, лежа на сѣнѣ, сама не ѣстъ, и скоту не даетъ. Всякой Иванъ глядитъ въ свой карманъ. Голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ. Безъ денегъ человѣкъ, что тѣло безъ души. По естью старецъ келью строитъ. Порука мука, порука—наука: я его выручилъ, а онъ меня вымучилъ. Но часто нашъ Антонъ не думаетъ объ томъ: есть что? носитъ; а нѐчего? и послѣднее броситъ, да и самъ проситъ. Впрочемъ, дающая рука не оскудѣваетъ.

3. Наука правъ или закона.

1. *Право. Законоположенiе.* Нельзя быть Русской землѣ ни на малое время безъ Государя: ибо что Богъ на небѣ; то Царь на землѣ, — крѣпка рать

воеводою. Самъ Богъ намъ далъ Царя, Царь есть богъ земной. Царь есть владѣтель земли и жителей; все Божее и Государево. Царя не всякъ видитъ, да всякъ за него молитъ. Гдѣ ни жить, а одному Царю служить. Государь знаетъ, кто ему другъ, кто нéдругъ. Служить, такъ не картавить, — картавить, такъ не служить. Чинъ чина почитай, и меньшой садись на край, — старшій хоть лыкомъ шитъ, и его почитай, коли Царь повелѣлъ, а бояре приговорили. Вѣдь воля Царю — дать ино и псарю. Посолъ, какъ мѣхъ, — что въ него вложишь, то и несетъ. А Богъ даетъ власть, кому хочетъ: поставляетъ Царя и Князя Вышній. Судитъ Богъ, да Государь; такъ Царское осужденіе суду не подлежитъ. Выше лба уши не растутъ. Царь судитъ, какъ Богъ на сердце ему положитъ. Повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Близъ Царя, близъ чести, и близъ Царя — близъ смерти. Не Москва Государю указываетъ, а Государь Москвѣ. Холопъ на холопа пóслухъ; холопъ на барина не доносщикъ. Трудно противъ рожна прать. Не ѣла душа чесноку, не будетъ и вонять. Долгъ платежемъ красенъ. Плеть не мука, а вперёдъ наука. Но казни съ судомъ, а не съ яростью. Законъ назадъ недѣйствуетъ. Уговоръ пуще денегъ. Что нанялся, что продался. — На нѣтъ суда нѣтъ; а какъ подъ часъ и не *гнѣдъ*, а *соврасъ* *; то чужое добро страхомъ огорожено; всякой клочокъ въ судъ волочетъ. Чья земля, того и хлѣбъ;

* Цвѣтà лошадей, по сходству звуковъ, прихотливою шутливостью, поставленные вмѣсто словъ: *и не «нѣтъ», — а соврáлъ.*

на чьей землѣ, тому и сѣю; чей дворъ, того и хоромы; чей конь, того и возъ; чей берегъ, того и рыба: чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе.—Лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго осудить: не мудрено голову отрубить, мудрено приставить; не спѣши казнить, дай вымолвить; дай срокъ, не сбей съ ногъ. Признаніе—половина исправленія. Безъ суда никто да не накажется. Въ чемъ застанутъ, въ томъ и судятъ. Виноватаго кровь вода, а невиннаго—бѣда. Чѣмъ поиграешъ, тѣмъ и зашибешся. Площадная рѣчь, что виноватаго надобно сѣчь; дуракамъ и въ олтарѣ не спускаютъ. Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ. Братъ брату идетъ головой въ уплату. За чужое лычко рѣмешкомъ отдашъ. Всякой сверчокъ, знай свой шестокъ. Неродословному человѣку съ родословнымъ не мѣсничать. Царь не огонь, а, ходя окола него, опалишься. Опала, гнѣвъ Царскій, посолъ смерти. Никто невѣдѣніемъ закона отговариваться не можетъ: на что и законы писать, если ихъ не исполнять? Что согласно съ разумомъ, то согласно и съ закономъ; что противно разуму, то противно и закону. Съ одного вола по̀ двѣ кожи не дерутъ, съ одного тягла по̀ двѣ дани не берутъ. Кто поручится, тотъ и мучится. Жена на мужа не доказчица. Дракою правъ не будешъ. Въ крѣпостныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ, а въ некрѣпостныхъ по розыску. Дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ! Что написано перомъ, не вырубишъ топоромъ. Судья праведный —ограда каменная.

2. *Криво. Законоотложеніе.* Такова правда отъ Петра и Павла,—и *Правды Русской* слава идетъ отъ

Ярослава. Но не всѣ судятъ по праву, иной и по криву, какъ уложеніе читаетъ, а дѣла не знаетъ, аль выше лба уши растутъ. Худо овцамъ, гдѣ волкъ воевода. Помути—де, Господи, народъ, да покорми воеводъ. Воевода годъ помѣчаетъ, а два отвѣчаетъ, какъ положитъ дѣло въ долгой ящикъ или подъ красное сукно. Кошкѣ шутки, мышкѣ слезки. Вотъ волку и несутъ,— а какъ волка-то понесутъ! Съ ярышкою кто ни поводится, безъ рубашки находится. За ярыжкою брань не пропадаетъ. На грѣшнаго Макара и шишки летятъ. Но иной глядитъ умильно, и не беретъ насильно, а все добровольно, наступя на горло. На волка помолвка, а заяцъ коня съѣлъ. Около костра хорошо щепы собирать: гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепы летятъ. Какъ бы мнѣ Царь далъ кормить соловья, былибъ сыты семейство и я. Но какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ; волка въ плугъ, а онъ въ лугъ. Лошадь любитъ овёсъ: земля—навозъ, а воевода—привозъ. Сухая ложка ротъ деретъ. Воевода пріѣдетъ, и калачи принесутъ; воеводою быть, не безъ денегъ жить. Безъ денегъ и окольничій худенекъ. Два медвѣдя въ берлогѣ не уживаются. Судья, что плотникъ: что захочетъ, то и вырубитъ. Богъ любитъ праведника, а судья—ябедника. Какъ Дьякъ у мѣста, то и всѣмъ отъ него тѣсно, а какъ Дьякъ на площади, такъ—Господи, пощади! Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ правѣе. Рука руку моетъ, и обѣ хотятъ быть бѣлы,—обѣ чисты бываютъ. Но на судѣ Божіемъ-Христовомъ, на Страшномъ Судѣ *право* пойдетъ направо, а *криво*—налѣво.

4. Наука здоровья.

Аптека не прибавитъ вѣка. Для Русскихъ покамѣстъ и бани довольно. Аптека не на два вѣка. Аптека улечитъ на полвѣка. Холодъ не терпитъ голоду, такъ иному и кажется, что брюхо больнаго умнѣе лекарской головы. Боль безъ языка, а сказывается. Боль врача ищетъ; но какъ даромъ и чирей не сядетъ; то живи съ разумомъ,—и лекарокъ не надомно. Та дýша не живà, что по лекарямъ пошла. Съ гуся вода—съ тебя худоба, на пустой лесъ, на большую вóду. Пей, да не похмѣляйся; кто похмѣляется, тотъ дѣлается пьяницей. И собака знаетъ, что можно лечиться вокругъ жилья растущими травами. Здоровому все здорово. Живому могилы нѣтъ. На леченой кобылѣ не далеко уѣдешь. Впрочемъ случается, что битая посуда два вѣка живетъ. Скрипучее дерево скрипитъ, да стоитъ. Ржа съѣдаетъ желѣзо, а печаль сердце. Ѣшь кисло, пей горько, умрешь не протухнешь. Вотъ иной и смѣкаетъ: ѣшь, пока ротъ свѣжъ, а какъ завянетъ, ничто въ него не заглянетъ. Пироги обѣду вороги. Когда мышъ сытà, такъ мука горька; а на ласый кусокъ найдется уголокъ. Недосолъ—на столѣ, а пересолъ—на спинѣ. Ѣшь вполсытà, пей вполпьянà, проживешь вѣкъ дó полна: никто съ постà не умиралъ; доброму и сухарь на здоровье, а злому и мясное не въ прокъ. Молодъ? кости гложи! а старъ? кашу ѣшь! Толокно скорое кушанье: замѣси, да и въ ротъ понеси. Кисель зубовъ не портитъ. Капуста лихова не попуститъ; лукъ

семь недуговъ лечитъ; чеснокъ и рѣдька на животѣ крѣпко. Печаль не уморитъ, а здоровье повредитъ. Не сердись: печень лопнетъ. Бояться смерти, на свѣтѣ не жить: что робѣть, то хуже. Тому не надобно ложиться, кто хочетъ отъ болѣзни свободиться. На живомъ все заживётъ; живая кость мясомъ обростётъ! были бъ кости, а мясо будетъ. И добрая аптека убавитъ вѣка. Болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками. Нищій болѣзней ищетъ, а къ богатому онѣ сами бѣгутъ. Сла́дко ѣстся, плохо спится. Гдѣ пиры, да чай, тамъ и не́мочи. Руду пустить, гвоздь въ гробъ вколотить. Пить до дна, не видать добра. Пить — добро̀, а не пить — и лучше того. Пьяное дѣло шатова́то, а похмѣльное тошновато. Кто рюмки допиваетъ, тотъ вѣка не доживаетъ. Прежде смерти не должно умирать. Дай бо́ли волю, полежавъ, да уморить. Застарѣлую болѣзнь лечить трудно. Который членъ не можно излечить, лучше отрубить. Сладкаго до̀ сыта не наѣшься. Сладкаго не до̀ сыта, а горькаго не до̀ пьяна!

13.

Ж И З Н Ь.

1. Рожденіе.

Что кому на роду̀ написано, то и будетъ; рокъ головы ищетъ, — у притчи на конѣ не уйти. Яблоко не далеко падаетъ отъ яблони; но вѣкъ протянется, всего достанется. Иной изъ тѣхъ же господъ, только самой сподъ; да не и́зъ роду, а въ родъ; а случается —

вырождается, ни въ мать, ни въ отца, — въ прохожаго молодца. Хорошо дитя, когда мать хвалитъ. Но не хвались родителями, а хвались добродѣтелями. Одинъ сынъ — нéсынъ, два сына — полсына, три сына — сынъ. Жизнь наша — сказка, смерть — развязка, гробъ — коляска, покойна, не тряска, — садись и ступай! Здоровье всему голова. Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку; впрочемъ упрямаго дубина, а горбатаго могила исправляетъ. Не родись ни богатъ, ни пригожъ, родись счастливъ; но спущенъ корабль нà воду — отданъ Богу нà руки, сиди у̀ моря и жди погоды. Не садись въ чужія сани. Гдѣ кто родился, тамъ и пригодился.

2. Служба.

Всегда на службѣ милуетъ Царь, да иногда не милуетъ псарь: такъ иному служба мать, другому мачиха. Хорошо тому служить, у кого бабушка умѣетъ ворожить; а то, служить бы радъ, прислуживаться тошно. Но что дѣлать! назвался грибомъ, полѣзай въ кузовъ. Руби дерево по себѣ. Воинъ и въ мирное время на войнѣ; а для трусливой бабы и на пѣчькѣ — ухабы. На чьемъ возѣ сидишь, тому и пѣсенку поешь. Кому служишь, тому и кланяешься. Чей хлѣбъ ѣшь, по того и дудкѣ пляши. Но не далъ Богъ свиньѣ рогъ, чтобъ людей не колола, а жабѣ хвоста, чтобъ травы не полола. У иного же начальники, хоть дѣла не дѣлай, да отъ дѣла не бѣгай. Пожалуй, при пивѣ, да бражкѣ, много братьевъ. Для глухаго двухъ обѣденъ не служатъ. Семеро одного не ждутъ. Не ясли къ конямъ приходятъ, а кони къ яслямъ. Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, Дитя не плачетъ,

мать не слышитъ. Но за дурной головой и ногамъ не покой. Вали на сѣраго,—свезётъ. И впрямъ, не такъ чортъ страшенъ, какъ его рисуютъ, пишутъ. Но бѣлыя руки чужіе труды любятъ. Одна же паршивая овца и все стадо портитъ. Но каковъ батька, таковы его и дѣтки. Куда иголка, туда и нитка. Впрочемъ одному подчинённому, хоть колъ на головѣ теши, а другой не дастъ и на хвостъ наступить; такъ смотри, ему,—не по коню, да по оглоблѣ,—не въ глазъ, да въ бровь,—не по васъ, гуси! Не плюй вверхъ, чтобъ не попало тебѣже на лице. Не смотри высоко, чтобъ не запорошилось око. Такъ обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду.—Кого де люблю, того и бью. Но пуганная ворона куста боится; а униженіе хуже гордости: повадился кувшинъ по̀ воду ходить, тамъ ему и голову положить. На тебѣ, не Боже, что мнѣ негоже. Но чины людьми даются, а люди могутъ обмануться; тѣмъ болѣе, что у иныхъ глаза, какъ плошки, а не видятъ ни крошки; отъ того—то самаго и молва идётъ, что только за̀ ново метла чисто мететъ; отъ того на томъ и сталъ свѣтъ, что тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. До конца службы близко видать, да далеко̀ шагать. Тогда судьба орѣшки представитъ, когда зубы выпадутъ. Но скорой поспѣхъ—людямъ на смѣхъ. Честное убожество дороже сомнительнаго богатства; хоть голъ, да правъ. Такъ не гнѣви Бога ропотомъ, а молись ему шопотомъ. За Богомъ же молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ; а Нашъ Батюшка, гдѣ силъ не хватило, и за усердіе награждаетъ, да и семействъ не оставляетъ.

3. Какова жизнь съ людьми.

Въ мірѣ живешь, мірское и твори. Съ волками жить, по волчьи выть. Чешись, конь, съ конемъ,—волъ, съ воломъ, а, свинья, объ уголъ. Не залетай, ворона, не въ свои хоромы. Не суйся впередъ, когда есть мѣсто у дверей. Не бей въ чужія ворота плетью, не ударили бы въ твои дубиною. Кто не можетъ хорошо биться, тотъ поднимаетъ большую палку. Двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ. Когда пришли на Настю бѣды и напасти, такъ на похилое дерево и козы скачутъ. На кого Богъ, на того и люди. Золото испытывается огнемъ, а дружба золотомъ. Кто слишкомъ любитъ себя, того не слишкомъ любятъ друзья. Какъ бы знатьё, что у кума питьё,—самъ бы пошелъ, и дѣтей бы вабралъ; но хлѣбъ соль—взаимное, отплатное дѣло. Когда же радъ бы душой, да хлѣбъ чужой: тогда хлѣбомъ кормютъ, а стебломъ глаза колютъ. Безъ соли и хлѣба—худая бесѣда, когда есть что слушать, да нечего кушать: но когда честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ; тогда говорятъ: пошла кума пѣшая, стало коню легче, баба съ воза, кобылѣ легче.—Безъ денегъ въ городъ самъ себѣ ворогъ. Накормятъ калачёмъ, да и въ спину кирпичёмъ. А кинь хлѣбъ соль назадъ, очутится впереди: вашимъ добромъ вамъ бьёмъ и челомъ. Въ комъ нужда, ужь того, мы знаемъ, какъ зовутъ. Но услужливый дуракъ опаснѣе врага; а всѣ други, всѣ пріятели—до чернаго лишь дня. Всякому свой

вѣкъ—неправенъ: мимошедшія лѣта ублажаемъ, а по нашему живемъ обыкновенію. Какъ слушать всѣ людскія рѣчи, такъ надо и осла взвалить на плечи. Но не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться. Не рой другому ямы, самъ упадешь. Если бъ знать, гдѣ упадёшь, то соломки подослалъ бы. Но у сильнаго всегда безсильный виноватъ. Хорошая слава въ лукошкѣ лежитъ, а худая слава по дорожкѣ бѣжитъ, хоть и казалось бы,—кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла. Такъ бойся не той собаки, что лаетъ, а той, что ластится. Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, а я скажу, кто ты таковъ, если не ошибусь въ догадкахъ. За свой грошъ всякъ, вездѣ и всегда хорошъ; а то вѣдь сытъ голоднаго не понимаетъ; всякъ себѣ самъ хлѣбъ добываетъ: да что наша и честь, коли нечего ѣсть? А индѣ и козы сыты и сѣно цѣло. Слабый съ сильнымъ не борись, бѣдный съ богатымъ не судись. Пѣшій конному—нетоварищъ.—Не дать въ займы, остуда на время; а дать взаймы, ссора на вѣки. За друга поручишься, отъ нéдруга помучишься; впрочемъ, на службу не набивайся, а отъ службы не отрекайся: дорогà помощь при скудости, дóрого яичко къ великодню. Отвага и мёдъ пьетъ, и кандалы третъ; тихая вода берега подмываетъ, въ тихомъ омутѣ черти вóдятся. На чужой коровай ротъ не раззивай, а пораньше вставай, да свой затѣвай. Не всегда поповымъ ребятамъ Дмитріева суббота, не всегда коту масляница. Куй желѣзо, пока горячо. Кинь хлѣбъ соль на лѣсъ, пойдешь, найдешь; что посѣешь, то и пожнешь.

4. Супружество.

Суженаго и на конѣ не объѣдешь; судьба прійдетъ, руки назадъ привяжетъ. Кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится. Кому вынется; тому и сбудется, не минуется. Не надобенъ и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ; а коли пойдетъ вкось, да врозь, такъ и дѣло брось.—Море, огонь и недобрая жена—три зла. Отъ пожара, отъ потопа и отъ злой жены сохрани насъ, Господи! Полюбится жъ сатана пуще яснаго сокола.—Невѣста родится, а женихъ на конь садится: казалось бы и мала пташка, да ноготокъ востёръ. Но рано пташка запѣла, чтобы кошка не съѣла. Дѣвушка, гуляй, да и дѣльце знай, не загуливайся, что бъ послѣ не сказать: и нѐ было печали, да черти накачали, нашла̀ коса на камень. Вѣдь, какъ манятъ, такъ-косинька, косинька, а какъ приманятъ, такъ и волкъ тебя съѣжъ. Шило въ мѣшкѣ не упрячется, дѣвушка подъ замкомъ не укроется, а и въ солнцѣ есть пятна. Съ кѣмъ живешь, тѣмъ и слывешь. При доброй годинѣ кумы побратимы, а при худой отрекутся и родные. Не кайся, рано вставши, а молодо женившись. Коли есть хлѣба край, такъ и подъ елью рай; а пока до ананаса, довольны будьте ковшомъ кваса. Выбирай жену не глазами, а ушами; первую дочь бери по матери, а вторую по сестрѣ. Держи деньги въ темнотѣ, а дѣвку въ тѣснотѣ; всякъ бы про дѣвку слышалъ, да не всякъ бы ее видѣлъ. Въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы. Человѣкъ

не знаетъ, гдѣ найдетъ, а гдѣ потеряетъ. Мужъ и жена одинъ сатана. Но не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ волѣ: между мужемъ и женой одинъ посредникъ—сатана. Отъ чужихъ воротъ есть еще и поворотъ; а какъ скажутъ, *вотъ тебѣ кокуй:* такъ *съ нимъ и ликуй!* Женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ! Женишься, перемѣнишься. А когда старому жениться, такъ и ночь коротка. Любви, огня, и кашля ни гдѣ не скроешь. Тесть любитъ честь; зять хочетъ взять; а шуринъ глаза щуритъ, да не хочетъ дать; а у тёщи, хоть карманы тощи, ужь будетъ снабжать, чѣмъ Богъ послалъ,—не для зятя собаки, а для милаго дитяти. Братъ любитъ сестру богатую, а мужъ жену здоровую; иному же будь жена, хоть коза, лишь бы съ золотыми рогами; а другой говоритъ: родимые батюшка и матушка, не надо мнѣ ни злата, ни сребра,—прошу родительскаго благословенія. Но ни замужествомъ, ни женитьбой не хвались третьяго дня, а хвались третьяго года. Отъ женъ люди постригаются. Люби жену, какъ душу, тряси ее, какъ грушу; бей жену къ обѣду, а къ ужину еще, чтобъ щи были горячія, каша масляная, самáжъ ласковая: но то въ стары годы бывало, мужъ жену бивалъ; а теперь такой порядокъ идетъ, что жена мужа бьетъ. Но милые бранятся, только тѣшатся.—Будь, мужъ, съ женой, какъ рыба съ водой: есть что—вмѣстѣ,—чего нѣтъ—пополамъ! Не столько мужъ мѣшкомъ, сколько жена горшкомъ вытащатъ изъ дому. Добрая жена домъ сбережетъ, а плохая своимъ рукавкомъ разнесетъ. Будь мужъ главою, а жена душою. Каковы

гдѣ дядьки, таковы и дитятки: дѣтямъ не порча игрушка, а порча худая прислужка.

5. Какъ жить своимъ домомъ.

Надобно жить, какъ набѣжитъ, и ненадобно жить, какъ набѣжитъ. И ладно живетъ, и но ладно живетъ; хоть щей горшокъ, да самъ большой. — Мужикъ богатый, что быкъ рогатый. На одномъ мѣстѣ и камень обростаетъ. Но подъ лежачій камень и вода не течетъ. Вѣкъ пережить — не поле перейти. Въ чемъ молодъ похвалится, въ томъ старъ покается. Иной богатъ, какъ Тимошка: мякинъ лукошка, да сѣрая кошка. Кто ни чѣмъ прожить не можетъ, тотъ побѣжитъ, либо въ монастырь, либо на войну. Кто отца и матери не слушаетъ, тотъ послушаетъ телячьей кожи (барабана). Спустя лѣто, не ходи въ лѣсъ по малину. Нельзя, когда на охоту ѣхать, тогда и псовъ кормить. У иного въ карманѣ блоха на арканѣ, а въ другомъ вошь на цѣпи. Но кто нужды не извѣдалъ, тотъ и счастья не знаетъ. Люди простые, не грамотные ѣдятъ пряники не писанные. Изъ большой посуды не выльется. Иногда погонишься за ломтемъ, а цѣлый хлѣбъ потеряешь. Даровому коню въ зубы не глядятъ. Но передъ неводомъ рыбы не лови; ибо разомъ бываетъ густо, а потомъ и пусто. Не убивши медвѣдя, не продавай шкуры. Бережливость лучше прибыли. Но дочь — чужое сокровище. — Вещь по потерѣ познается; а потому, не клади плохо, не вводи вора

въ грѣхъ. Но замокъ для честнаго человѣка, а вора и замокъ не удержитъ.—Слуга невѣрный супостатъ господину безмѣрный: за нимъ, чего не досмотришь, то доплатишъ. Хозяйскій глазъ смотрокъ, а не свой глазъ нелюбой кусокъ. Гдѣ хозяинъ ходитъ, тамъ и хлѣбъ родитъ. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешнею. Между тѣмъ, на всякое чиха́ніе не наздравствуешься. Видна ворона и въ павлиньихъ перьяхъ. Тише ѣдешь, дале будешъ; а кто спѣшитъ, тотъ людей смѣшитъ; впрочемъ и съ посмѣху бываютъ люди. А заварилъ кашу, такъ масла не жалѣй; шиломъ моря не нагрѣешь. На ловца же и звѣрь бѣжитъ. Былобъ корыто, а свиньи будутъ. Былобъ болото, а черти соберутся. Кто скупъ, тотъ не глупъ, не разорится; ему на старости двѣ радости: и деньги есть, и всѣ любятъ; чего хочешь, того просишь. Такъ пей за столомъ, да не пей за столбомъ, а то мужикъ годъ не пьётъ, два не пьётъ; а какъ бѣсъ прорвётъ, такъ и все пропьётъ. Не по́дданство народу Русскому изъянъ, а разгулье у господъ, и пьянство у крестьянъ. Брюхо добра не помнитъ. Бываетъ на брюхѣ шолкъ, а въ брюхѣ щолкъ; торгу на три алтына, а долгу на̀ пять.—Когда нечего дѣлать, такъ распори рубашку, да шей,—лишь бы не сидячаго Татары взяли. Большею же частію думаютъ: какъ бы хлѣбъ, да одёжа,—ѣлъ бы лёжа. А каковъ попъ, таковъ и его приходъ. Курицу яицы не учатъ. Въ дому̀ нѣтъ хозяина больше. Добрая голова сто головъ кормитъ. Хозяинъ въ дому̀, какъ Адамъ въ раю̀, коли домъ, какъ полная чаша. Но домъ яма. Горе тому,

кто непорядкомъ живетъ въ дому: домомъ жить, не разиня ротъ ходить. Но управляй въ домѣ духомъ кротости, а не палкой пò кости.

6. Какъ и дома и межъ людьми жить самому по себѣ.

Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше. Но гдѣ любятъ, туда не учащай; а гдѣ не любятъ, тамъ во все не бывай. Не строй свѣтлицы подлѣ границы. Толкитесь бѣсы, да не въ нашемъ лѣсѣ! Гляди подъ ноги, такъ если и ничего не найдешь, то ноги не зашибёшь.—Не уважая богачу, свою рожь молочу. Но кто съ кѣмъ посланъ, тотъ тому и повинуйся. Царь повелѣваетъ; а Богъ на истинный путь направляетъ. Счастливымъ быть—никому не досадить: ибо счастье безъ ума ничто, а многихъ обманываетъ; такъ счастью не вѣрь, и отъ бѣднаго не затворяй дверь. Глупому же сыну не въ помощь богатство. Ненаказанный сынъ безчестье отцу.—Гдѣ видѣнъ путь прямôй, тамъ не ѣзди по кривой. Скачи баба хоть задомъ, хоть пéредомъ, а дѣла пойдутъ своимъ чéредомъ. Слово—законъ и клятва; слово—законъ, держись за него, какъ за колъ: до слова крѣпись, а давши слово, держись. Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ,—ни шатко, ни валко, ни насторону,—съ молитвою въ устахъ и съ работою въ рукахъ. Не до жиру, лишь бы живу! Когда скокомъ, когда бокомъ; часомъ съ квасомъ, порою съ водою. Послалъ бы Богъ хлѣба съ душу, денегъ съ нýжу, платья съ нôшу. Хоть изба елова,

да душа здорова. Намъ добро, никому зло,—то законное житьё.

7. Смерть.

Трижды человѣкъ дивенъ бываетъ: родится, женится, и умираетъ.—Что было, то видѣли; что будетъ, увидимъ, а еще и то будетъ, что и насъ не будетъ. Мертваго отъ гроба не несутъ. Послѣ смерти нѣтъ покаянія. Жаль ботюшку на погостъ нести, да дѣлать-то нечего. Кому суждено утонуть, тотъ не повѣсится.—Не то червь, что человѣкъ ненарокомъ съѣстъ, а то—червь, что человѣка съѣстъ. Не годы старятъ, а горе. Иной молодъ годами, да старъ бѣдами. Умираетъ не старый, а поспѣлый. Дума за горами, а смерть всегда за плечами слѣдитъ за нами. Умъ за́ моремъ, а смерть за́ воротомъ. Но смерть лучше позорной жизни. Богъ души не выйметъ, сама душа не выйдетъ. Душа всего дороже. Здѣсь радость не вѣчна и печаль небезконечна. Для спасенья нужно терпѣнья; притомъ же,—стерпится, слюбится. Терпи, казакъ, будешь пить мёдъ! Живи про́сто, и проживешь лѣтъ со́сто. Возлюби трудъ, храни умѣренность, богатъ будешь; воздержно пей, мало ѣшь, здоровъ будешь; дѣлай благо, бѣгай злаго, спасенъ будешь. Такъ, други, смерть не все возмётъ,—есть жизнь и за могилой! Живъ Богъ—жива̀ душа моя!

КОНЕЦЪ.

Цѣна 60 к. сереб. безъ пересылки.

=

За симъ вскорости выйдетъ:

ПОПЫТКА—НЕ ПЫТКА,

СПРОСЪ—НЕ БѢДА,

въ 7-ми частяхъ.

PN 6505 .K6 1848 C.1
Starinnaia poslovitsa vo viek
Stanford University Libraries
3 6105 035 951 214
DATE DUE